B160 833

Н. М. КОРКУНОВЪ.

З. А. ГОРЮШКИНЪ,

РОССІЙСКІЙ ЗАКОНОИСКУСНИКЪ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1895

В160 833

Н. М. КОРКУНОВЪ.

З. А. ГОРЮШКИНЪ,

РОССІЙСКІЙ ЗАКОНОИСКУСНИКЪ.

Изъ Журнала Министерства Юстиціи.

813/4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Правительствующаго Сената.
1895

Печатано съ разрѣшенія Министра Юстиціи.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

778842

З. А. ГОРЮШКИНЪ,

РОССІЙСКІЙ ЗАКОНОИСКУСНИКЪ.

Н. М. Коркунова.

I.

На полкахъ старыхъ книгохранилищъ, въ самомъ забытомъ углу, можно найти нѣсколько переплетенныхъ въ кожу квартантовъ съ именемъ Горюшкина. Это книги начала настоящаго столѣтія, напечатанныя въ Московской университетской типографіи „у Любія, Гарія и Попова“. Ихъ всего семь. Четыре содержатъ „Руководство къ познанію россійскаго законоискусства“ 1811—1818 годовъ; три другихъ—„Описаніе судебныхъ дѣйствій или легчайшій способъ къ полученію въ краткое время надлежащихъ познаній къ отправленію должностей въ судебныхъ мѣстахъ, особливо тѣмъ, которые, не имѣя случая упражняться въ отечественныхъ законахъ, употреблены будутъ въ гражданскую службу“ 1805—1808 годовъ[1]).

[1]) Шевыревъ, Исторія Моск. унив., стр. 228, говоритъ, будто бы „въ 1789 году Горюшкинъ издалъ словарь юридическій или сводъ россійскихъ узаконеній для употребленія И. М. У.“, но это ошибка. Книга съ такимъ заглавіемъ была издана въ 1788 году Лангансомъ. Кромѣ того въ 1791 году въ Тобольскѣ, безъ означенія имени составителя, былъ напечатанъ „Словарь юридическій или Сводъ россійскихъ узаконеній по азбучному порядку съ прибавкою противъ напечатаннаго въ университетѣ трехъ годовъ, а именно 788, 789 и 799“. Самъ Горюшкинъ рекомендуетъ какъ пособія: Указатель Максимовича, Словарь Чулкова, Памятникъ Правикова, Вексельное право Дильтея и „труды Коммисіи уложенной, продолжаемые до 1775 года, въ 30 частяхъ состоящіе, видимые въ спискахъ“.

Квартанты эти покрыты густою пылью; ихъ синіе, шероховатые листы склеились отъ долгаго лежанія. Нечасто, повидимому, привлекаютъ къ себѣ вниманіе и слежавшіяся гравюры Свешникова, украшающія нѣкоторые изъ этихъ квартантовъ. Тутъ находимъ изображеніе правосудія. „Правосудіе вообще“ изображено въ видѣ „благообразной дѣвы, облеченной въ златую ризу, имѣющей на головѣ корону и на шеѣ богатое ожерелье. Сіе знаменуетъ, что ничего нѣтъ въ свѣтѣ достойнѣе и дрогоцѣннѣе сея добродѣтели“. „Правосудіе уголовное“ „въ видѣ скелета въ коронѣ, покрытаго бѣлымъ полотномъ, опирающагося правою рукою на обнаженный мечъ и держащаго въ лѣвой рукѣ вѣсы“. Есть и другія изображенія, напримѣръ „Сатурна или времени въ видѣ древняго мужа, изображающаго съ возможнымъ тщаніемъ и трудомъ на камнѣ всеобщее понятіе законоискусственной науки“; это должно „доказывать, что основательное знаніе законовъ и примѣненіе ихъ къ дѣламъ, и выводъ оттуда слѣдующихъ заключеній, именуемое правосудіемъ, пріобрѣтается долговременнымъ и непрерывнымъ въ ономъ упражненіемъ, сопряженнымъ съ немалымъ трудомъ“.

Авторъ этихъ объемистыхъ книгъ (вмѣстѣ онѣ составляютъ 3544 страницъ) теперь почти всѣми забытъ. А между тѣмъ уже самая личность этого самоучки [1]), изъ подъячихъ сыскнаго приказа сдѣлавшагося профессоромъ Московскаго университета, стоитъ того, чтобы обратить на нее серьезное вниманіе.

Къ первому „переплету“ [2]) Законоискусства приложенъ портретъ съ подписью „Захарій Аникѣевичъ Горюшкинъ— Россійскій законоискусникъ, род. 1748 года сентября 5-го“. Горюшкинъ изображенъ здѣсь въ мундирѣ съ высокимъ воротникомъ, съ напудреной головой, худощавый, съ крупными

---

[1]) Біографіи Горюшкина: 1) въ Словарѣ русскихъ писателей, соотечественниковъ и чужестранцевъ, писавшихъ въ Россіи, служащемъ дополненіемъ къ Словарю митроп. Евгенія, сост. И. М. Снегиревымъ. 1838. I, стр. 332—335. 2) въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета. 1855. I, стр. 247—254. (И. Д. Бѣляева).

[2]) Такъ называетъ авторъ томы своей книги.

чертами лица. Ученики Горюшкина И. Ѳ. Тимковскій и И. М. Снегиревъ оставили намъ описаніе его внѣшности. „Росту средняго, говоритъ Тимковскій [1]), худощавъ, темнорусъ, лица блѣднаго съ морщинами, неказистаго, съ прижатымъ голосомъ; имѣлъ впрочемъ видъ добраго внушенія, инсинуацію. Нерѣдко въ разсказѣ повторялось у него присловье: „вотъ видите“. При этомъ, по свидѣтельству Снегирева, онъ много заботился о своей внѣшности. „По пріемамъ и костюму, Захаръ Аникіевичъ походилъ на щеголеватаго барина; черты лица были у него правильныя, глаза маленькіе, ротъ узкій, выражавшій проницательность и скромность. Онъ пудрился, украшалъ волосы буклями, носилъ модный кафтанъ и шлифныя на башмакахъ пряжки съ розами или стразами, двое часовъ въ карманахъ съ золотыми цѣпочками, на пальцахъ жалованные брилліантовые перстни. Любитель изящныхъ искусствъ, онъ въ гостепріимномъ своемъ домѣ завелъ маленькій театръ и музыку“.

Можно бы подумать поэтому, что это былъ избалованный жизнью человѣкъ. Но, въ дѣйствительности, Горюшкинъ, хотя и происходилъ изъ дворянскаго рода, родился въ бѣдности и прошелъ очень суровую школу жизни. Уже тринадцати лѣтъ онъ сталъ заниматься въ Московской воеводской канцеляріи, поступивъ туда безъ всякаго образованія, „не имѣвши предварительно понятія ни объ одной изъ наукъ, съ однимъ только обыкновеннымъ понятіемъ читать и писать по россійски“. Затѣмъ послѣдовательно онъ проходилъ службу въ сыскномъ и судномъ приказахъ, въ вотчинной и юстицъ-коллегіяхъ, въ казенной и уголовной палатахъ. Порядки, существовавшіе тогда въ нашей судебной практикѣ, особенно въ сыскномъ приказѣ, отличались крайнимъ безобразіемъ и грубостью. Снегиревъ, часто бывавшій у Горюшкина, въ его домѣ на Четвертой Мѣщанской улицѣ, и пользовавшійся его наставленіями, передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ любопытные разсказы Горюшкина о нравахъ, царившихъ въ сыскномъ

[1]) Памятникъ И. И. Шувалову, Москвитянинъ, 1851, №№ 9 и 10, май, стр. 28.

приказѣ. „При допросѣ пытали обличенныхъ и оговоренныхъ: первыхъ потому, нѣтъ ли еще за ними какихъ преступленій, другихъ для дознанія правды, которую выкраивали изъ спины. Стоило только на кого закричать *слово* и *дѣло* и тотчасъ схватятъ доносчика и обвиняемаго, представятъ въ сыскной приказъ, бывшій тогда на Житномъ дворѣ у Калужскихъ воротъ. Въ застѣнкѣ палачи раздѣнутъ до нага, свяжутъ назадъ руки веревками, обшитыми войлокомъ, чтобы не перетерли кожи; палачъ, ступивъ на бревешки, встряхиваетъ, такъ что руки выдутъ изъ лопатокъ. Это называлось встряскою, которая повторялась во время допроса; потомъ, нагнувъ спину, палачъ билъ кнутомъ, сдирая кожу лоскутками отъ плеча до хребта. Вывертывая изъ лопатокъ руки, палачъ, какъ ловкій костоправъ, вправлялъ ихъ: схвативъ, дернетъ что есть силы и онѣ очутятся на своемъ мѣстѣ. Казалось еще мало того. На ободранную спину трясли зажженный сухой вѣникъ, или посыпали солью; иногда въ то же время судья колотилъ пытаемаго палкою по головѣ. Судьи прежде хвастались другъ передъ другомъ въ изобрѣтеніи новыхъ средствъ къ истязанію, новыхъ орудій при допросахъ, приводившихъ въ ужасъ и содроганіе людей, не закоснѣвшихъ въ мучительствѣ подобныхъ себѣ. Случилось мнѣ, разсказывалъ Горюшкинъ, зайти въ пытальную палату или застѣнокъ, по окончаніи присутствія: на полу я увидѣлъ кучку лоскутковъ окровавленной кожи. Спрашиваю у палача: что это такое? Какъ что? выкройки изъ спины!—Для устрашенія оговоренныхъ и для принужденія ихъ къ признанію въ винахъ, иногда при нихъ пытали другихъ *на заказъ*, т. е. жесточае обыкновеннаго. Такъ было съ душегубкою и мучительницею Салтычихою. При выдѣ заказныхъ пытокъ, она падала въ обморокъ, но не признавалась. Видно не приказано было пытать“. Угроза пытками служила нерѣдко для подъячихъ источникомъ дохода. „Подъячіе сыскнаго приказа призывали къ себѣ колодниковъ изъ тюрьмъ въ канцелярію подъ предлогомъ повѣрки пыточныхъ рѣчей, а сами нашептывали имъ, кого еще оговорить, разумѣется извѣстныхъ имъ зажиточныхъ людей. По такому наущенію колодники гласно объявляли, что съ ними участникомъ былъ

такой то. Тотчасъ къ нему въ полночь нагрянетъ съ подъячими команда, ворвутся въ домъ; испуганный хозяинъ даетъ имъ деньги и они сами хватаютъ, что попало; приводятъ его въ приказъ и ставятъ къ отвѣту. Сперва пытаютъ докащика, потомъ принимаются за оговореннаго; наконецъ докащики повинятся, что напрасно оговорили, имъ за это дадутъ ударовъ по 15, по 20 кнутомъ. Что же они за это получатъ въ награду? Цѣлковыхъ по два, по три! Такъ бывало не въ одномъ сыскномъ приказѣ“ [1]).

Окруженный такими впечатлѣніями чуть не съ дѣтства, самъ едва только грамотный, подъячій Горюшкинъ какимъ то чудомъ не заглохъ въ этой грубой, темной средѣ. Уже женатый, онъ стремится къ самообразованію, берется за изученіе русской грамматики, ариѳметики, логики. „Вмѣсто чтенія пыточныхъ рѣчей, замѣчаетъ Снегиревъ, онъ сталъ твердить части рѣчи въ грамматикѣ“. Безъ руководителя это давалось ему сначала съ большимъ трудомъ. „Долго не могъ понять въ грамматикѣ склоненія: воевода, воеводы, воеводѣ и пр., то и дѣло твердя склоненія на постели, не давалъ спать женѣ своей, такъ что она, вышедши изъ терпѣнія, сказала ему: „да что ты наладилъ одно—воевода? По мнѣ это немудрено, къ какому слову только его приладить, такъ и будетъ: воевода, воеводы, воеводѣ. На прикладъ: воевода судитъ, мѣсто воеводы, подарить воеводѣ“. Это объясненіе малограмотной женщины, по словамъ Горюшкина, „развязало ему понятіе и онъ съ легкой ея руки пошелъ впередъ“.

Преодолѣвъ эти первые тяжелые шаги по пути самообразованія, Горюшкинъ сталъ перечитывать всѣ, какія имѣлись тогда на русскомъ языкѣ книги богословскія, философскія, историческія, юридическія (по словамъ Тимковскаго, даже выучилъ наизусть старинный переводъ юриспруденціи Неттельбладта) и искалъ знакомства съ представителями научнаго знанія. Всего больше сблизился онъ съ профессорами Десницкимъ и Аничковымъ.

Аничковъ, Дмитрій Сергѣевичъ, получилъ образованіе сна-

[1]) Воспоминанія И. М. Снегирева, Русскій Архивъ. 1866, № 5, стр. 755—758.

чала въ Троицкой лаврѣ, затѣмъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ занимался и естественнымъ правомъ у Дильтея, за что удостоенъ даже въ 1758 году награжденія золотою медалью. Въ 1762 году онъ сталъ преподавать самъ въ университетѣ математику, а съ 1785 года также логику и метафизику. Преподаваніе свое онъ велъ въ духѣ философскаго ученія „скучной памяти“ [1]) Христіана Вольфа, и даже еще болѣе, чѣмъ самъ Вольфъ, уклоняясь отъ Лейбница, въ сторону старыхъ схоластическихъ ученій. Вольфъ, отвергая общее значеніе предустановленной гармоніи, допускаетъ ее по крайней мѣрѣ въ объясненіи соотношенія души и тѣла. Аничковъ и въ этомъ вопросѣ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе „системѣ физическаго втеченія“, какъ онъ переводитъ influxus phisicus, передъ „Лейбниціевой системой предуставленнаго согласія“. „Что душа, какъ существо невещественное и духовное, можетъ вещественнымъ и физическимъ образомъ дѣйствовать на тѣло, сіе можно видѣть на многихъ мѣстахъ въ священномъ писаніи. Притомъ есть ли бы сущему невещественному и духовному по сущности его противно было дѣйствовать на тѣло: то бы и Богъ, который есть чистѣйшій и неограниченный Духъ, дѣйствовать и сущія тѣлесныя въ движеніе приводить не могъ; и какъ онъ учинить сіе можетъ, то и душа то же самое сдѣлать въ состояніи бываетъ: поколику тотъ же самый Богъ по образу и по подобію своему сотворилъ оную [2]).

Уже изъ этого опроверженія системъ Лейбница видно, что Аничковъ въ основу своего философскаго ученія полагалъ начала откровенной религіи. Религіозные вопросы повидимому вообще привлекали къ себѣ его особенное вниманіе. Для полученія званія ординарнаго профессора онъ написалъ въ 1769 году спеціальное изслѣдованіе по исторіи религій: Dissertatio philosophica de ortu et progressu religionis apud diversas maximeque rudes gentes, quam pro munere proffessoris publici ordinarii consequen-

---

[1]) Выраженіе Шеллинга.

[2]) Слово о разныхъ способахъ, тѣснѣйшій союзъ души съ тѣломъ изъясняющихъ, говоренное апрѣля 22 дня 1783 года, напеч. въ Рѣчахъ, произнесенныхъ въ собраніяхъ Московскаго университета, ч. II. М. 1820, стр. 29—64.

do, communi omnium eruditorum judicio discernendam submitt·t. Philos. et L. L. A. A. magister D. Anitschkow. Но съ этой диссертаціей случилась непріятность. Вотъ какъ разсказываетъ о ней архимандритъ Гавріилъ: „Изданіе разсужденія поручилъ одному своему товарищу, тогда прибывшему изъ Англіи профессору [1]), который включилъ въ оное много вольнодумныхъ мыслей; по донесенію протоіерея Петра Алексѣева, экземпляры сего сочиненія были отобраны и, по распоряженію начальства, публично сожжены палачемъ на лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ, и разсужденіе съ исправленіями вновь напечатано“ [2]).

Совершенно иного научнаго направленія былъ Десницкій. Учившійся, какъ и Аничковъ, въ Троицкой лаврѣ и Московскомъ университетѣ, онъ былъ затѣмъ посланъ заграницу, въ Глазговъ, гдѣ слушалъ лекціи Адама Смита. Не только къ системѣ Вольфа, но и вообще къ теоріи естественнаго права онъ относился отрицательно, находя, что онѣ „изысканы больше для меридіана нѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ“. Самъ онъ держался историческаго направленія, только путемъ историческаго изученія положительнаго права считая возможнымъ выяснить общія начала правъ [3]).

Кромѣ Аничкова и Десницкаго, Горюшкинъ былъ повидимому довольно близокъ съ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ дѣятелей Московскаго кружка мартинистовъ И. В. Лопухинымъ. Горюшкинъ совѣтовался съ нимъ, работая надъ своимъ „Законоискусствомъ“ и по его совѣтамъ кое что измѣнялъ въ немъ [4]).

Занимая должности совѣтника и предсѣдателя Московской уголовной палаты (въ 1782—1785 годахъ), а позднѣе сенатора въ пятомъ Московскомъ департаментѣ (въ 1797—1805 годахъ), Лопухинъ являлся строгимъ хранителемъ закона и вмѣстѣ человѣколюбиваго отношенія къ подсудимымъ. „Пра-

---

[1]) Надо думать—Десницкому.

[2]) Исторія философіи часть VI, Казань. 1840, стр. 74. Объ этомъ случаѣ говорится также въ Словарѣ Снегирева и въ біографіи Аничкова, помѣщенной въ Рѣчахъ моск. проф.

[3]) О Десницкомъ—моя статья въ Журн. Мин. Юст. 1894, декабрь.

[4]) Законоискусство. перепл. I, стр. 75, примѣч.

вила умѣренности въ наказаніяхъ, говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, держался я неотступно.—Слѣдуя оному расположенію и соображая общественную пользу, рѣшился я за воровство, кражу и мошенничество цѣною свыше 20 рублей, наказывать не кнутомъ, а тѣлесно же, но такимъ образомъ, чтобъ наказанные могли отдаваться въ рекруты.—Однако я сіе дѣлалъ, не отступая и отъ закона. Рѣшенія основывались на той статьѣ Морскаго устава, въ коей сказано: „за первую, другую и третью кражу наказывать, что разъ, то жесточае, по разсмотрѣнію“ (кн. V, гл. 17, ст. 127). Мщеніе, какъ звѣрское свойство тиранства, ни одною каплею не должно вливаться въ наказанія. Вся ихъ цѣль должна быть исправленіе наказуемаго и примѣръ для отвращенія отъ преступленій. Думаю, что также не должно опредѣлять наказаній безконечныхъ въ здѣшней жизни. Что касается до смертной казни, то она, по мнѣнію моему, и безполезна, кромѣ того, что единому Творцу жизни извѣстна та минута, въ которую можно ее пресѣчь, не возмущая порядка его Божественнаго строенія“ [1]).

Принятое Лопухинымъ правило назначать по возможности малое число ударовъ при наказаніи кнутомъ вызвало на него большія нарсканія Московскаго главнокомандующаго графа Брюса: „какъ разбойникамъ и смертоубійцамъ только по 50-ти ударовъ?“ горячился тотъ. „По скольку же бы, Ваше Сіятельство, думали?“ спрашивалъ Лопухинъ.—„По скольку? двѣсти, триста, четыреста, пятьсотъ“.—„Да этакъ будемъ всегда засѣкать до смерти“—„Чего жъ ихъ жалѣть: и это же наказаніе вмѣсто смертной казни“—„Такъ, по отмѣнѣ смертной казни къ величайшей славѣ россійскаго скипетра, въ первой Россіи учрежденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія; а ежели вмѣсто того, чтобъ отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранской и всякая такая мѣра наказанія сего рода, которая можетъ лишить жизни, есть уже большое преступленіе онаго закона милосердія“ [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 10.

[2]) Чтенія Общ. любит. ист. и древн. Росс. 1860, книга II, стр. 3—9.

Будучи сенаторомъ, Лопухинъ хвалился, что въ ихъ департаментѣ за все время царствованія Павла I ни одинъ дворянинъ не былъ присужденъ къ тѣлесному наказанію [1]).

Неуклонное соблюденіе законовъ и неугодливость сильнымъ людямъ привели къ тому, что служба Лопухина въ уголовной палатѣ продолжалась недолго. Внесено было на ревизію дѣло о подложныхъ векселяхъ и подозрѣніе пало на двухъ богатыхъ и знатныхъ купцовъ. Имъ удалось добиться повелѣнія Императрицы взять дѣло изъ палаты для разсмотрѣнія. Повелѣніе было объявлено палатѣ оберъ-прокуроромъ 6-го департамента княземъ Гагаринымъ. Лопухинъ, основываясь на томъ, что по закону оберъ-прокурорамъ не предоставлено право объявлять Высочайшія повелѣнія, подалъ отомъ особое мнѣніе и остался при немъ не смотря на всѣ устращиванія" [2]). Подобныя столкновенія происходили нерѣдко и заставили наконецъ Лопухина подать прошеніе объ отставкѣ. Онъ былъ уволенъ въ маѣ 1785 года [3]).

Таковы были люди, подъ вліяніемъ которыхъ сложились и окрѣпли научныя воззрѣнія и нравственныя понятія Горюшкина.

Работая надъ самообразованіемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегалъ и служебными занятіями, пріобрѣтая, благодаря имъ, большую опытность въ судебныхъ дѣлахъ и основательное знаніе законодательства. Это не только сдѣлало его, по выраженію Снегирева, „оракуломъ для многихъ, къ нему прибѣгали за совѣтами въ затруднительныхъ случаяхъ и запутанныхъ дѣлахъ вельможи, сенаторы, профессора", но и заставило тогдашняго директора университета П. И. фонъ-Визина въ 1786 году пригласить его преподавать въ университетѣ и бывшемъ при университетѣ благородномъ пансіонѣ практическое законовѣдѣніе [4]).

Тимковскій, отзывающійся о Горюшкинѣ нѣсколько свы-

---

[1]) Тамъ же, стр. 72.

[2]) Тамъ же, стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 13.

[4]) До него съ 1783 года практическую россійскую юриспруденцію преподавалъ коллежскій регистраторъ Иванъ Аничковъ. Шевыревъ, Исторія Московскаго университета 1855, стр. 227, 228.

сока, видитъ въ немъ только „вышедшаго приказною службою, искуснаго эмпирика, чего собственно желало начальство“. Съ этимъ отзывомъ нельзя согласиться. Горюшкинъ не былъ только „искуснымъ эмпирикомъ“, юристомъ-практикомъ въ узкомъ смыслѣ слова. И своей судейской дѣятельности онъ съумѣлъ придать значеніе возвышеннаго служенія правдѣ и долгу. „Неказистый“ подъячій, съ „прижатымъ голосомъ“, въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ проявлялъ не только „видъ добраго внушенія“, но и прямо гражданское мужество, встрѣчавшееся среди чиновничества того времени далеко не часто.

„Споръ его, разсказываетъ Снегиревъ, съ главнокомандующимъ княземъ Прозоровскимъ по дѣлу Новикова въ уголовной палатѣ, обнаружилъ въ Горюшкинѣ гражданское мужество; одинъ опирался на личное мнѣніе Императрицы, а другой на силу закона и не убоялся гнѣва и угрозъ сильнаго вельможи, желавшаго угодить Государынѣ обвиненіемъ Новикова“.

Самъ Новиковъ не былъ вовсе судимъ. Указомъ Императрицы 1 мая 1792 года предписывалось „опаго Новикова на основаніи нашего учрежденія (т. е. учрежденія о губерніяхъ) предать законному сужденію“, но Московскій главнокомандующій князь Прозоровскій не исполнилъ этого указа, такъ какъ нашелъ неудобнымъ сдѣланные Новикову допросы передавать въ судъ, ибо въ нихъ говорится о массонахъ, что дало бы подсудимому способъ „замѣшать дѣло“. Императрица одобрила дѣйствія Прозоровскаго и Новиковъ былъ безъ суда по Высочайшему повелѣнію 1 августа 1792 года заключенъ на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургскую крѣпость [1]).

Поэтому разсказъ Снегирева очевидно не совсѣмъ точенъ. То, о чемъ онъ вспоминалъ, надо отнести не къ самому Новикову, а къ тѣмъ книгопродавцамъ (Кольчугину, Глазунову и др.), у которыхъ были найдены изданныя Новиковымъ книги религіознаго содержанія, а можетъ быть также и къ Лопухину.

---

[1]) Лонгиновъ, Новиковъ и Московскіе мартинисты. М. 1867, стр. 312—336.

Книгопродавцы были дѣйствительно преданы суду, и состоявшіеся о нихъ приговоры магистрата, уѣзднаго суда и нижняго надворнаго суда чрезъ губернскій магистратъ поступили на ревизію Московской уголовной палаты, ассесоромъ которой состоялъ тогда Горюшкинъ (съ 25 ноября 1792 года).

Приговоры судовъ нисшей инстанціи оказались очень строги. Основываясь на указѣ 1720 года февраля 9-го, объ ослушникахъ публикованныхъ указовъ, и на томъ, что указомъ 27 іюля 1787 года печатаніе книгъ религіознаго содержанія въ вольныхъ типографіяхъ было запрещено, они приговорили подсудимыхъ къ наказанію кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и ссылкой въ каторжную работу. Средняя инстанція („губернскій магистратъ обще съ верхнимъ земскимъ и верхнимъ надворнымъ судами“) уже значительно смягчили наказанія. Никому изъ подсудимыхъ не опредѣлили рвать ноздрей, а каторжныя работы—только одному Кольчугину. Палата уголовнаго суда пошла въ томъ же направленіи еще дальше и ограничила, напримѣръ, для Кольчугина наказаніе только лишеніемъ его званія купца второй гильдіи и написаніемъ его въ рабочіе люди.

Князь Прозоровскій находилъ такое смягченіе неправильнымъ и донесъ о томъ Императрицѣ. „А что касается до голосовъ, поданныхъ: перваго въ среднихъ инстанціяхъ отъ депутата со стороны Московскаго университета надв. сов. Жегулина, который преступниковъ сихъ уподобляя торгующимъ запрещенными товарами, предполагалъ поступить съ ними по разуму законовъ о запрещенныхъ товарахъ; а второй голосъ поданъ отъ ассесора уголовной палаты Горюшкина въ томъ же разумѣ, который предполагаетъ, чтобы на основаніи законовъ о запрещенной торговлѣ взыскать съ книгопродавцевъ то, чего найденныя у нихъ запрещенныя книги стоили, ихъ же подводитъ подъ указъ, изданный въ 1793 году, гдѣ сказано: если кто, не вѣдая въ комъ расколу будетъ ему въ чемъ помогать, то его бити батоги;—то я сіи голоса нахожу несогласными съ существомъ дѣла, котораго важность состоитъ въ преступленіи высочайшихъ Вашего

Императорскаго Величества указовъ. А какъ Горюшкинъ въ голосѣ своемъ помѣстилъ не принадлежащее до сужденія его, ибо, хотя оправдывать оныхъ книгопродавцевъ, старался отдалить, будто бъ указъ 1720 года къ преступленію ихъ не подходитъ; а возлагалъ вину на Новикова и типографію и, можно сказать, наполнилъ его одними пустословіями и нелѣпостью. А посему прокуроръ и въ уголовной палатѣ ему, Горюшкину, замѣчанія дѣлалъ, наконецъ предложилъ палатѣ диспутъ, а я, по донесенію мнѣ прокурора, далъ палатѣ письменное предложеніе, но по непонятію ль или по упрямству его, Горюшкина, все сіе не довольно было отвратить сего отъ несообразнаго къ сему дѣлу голоса; а посему уже его упрямству далъ я предложеніе палатѣ, въ которомъ ему, сдѣлавъ должное замѣчаніе, рекомендовалъ впредь мнѣнія полагать по точности дѣла и прямому разуму закона“ [1]).

При производствѣ этого дѣла въ уголовной палатѣ князь Прозоровскій настаивалъ на томъ, чтобы привлечь къ отвѣтственности и Лопухина. Въ его запискахъ разсказывается, что Прозоровскій при этомъ „озлобился на одного искуснаго и хорошаго судью, который ему доказывалъ, что обвинить меня никакъ не можно, потому что я точно не продавалъ, а покупалъ запрещенныя книги, въ чемъ по законамъ виновны тѣ, кои отпускали ихъ, бывъ обязаны ихъ не продавать, а не тотъ, кто требовалъ и кому никогда оное запрещеніе объявлено не было, и что, наконецъ, никто съ разсудкомъ не можетъ предположить во мнѣ злаго намѣренія въ дѣлѣ о семи рубляхъ съ копѣйками. Разсердился князь Прозоровскій, выгналъ судью, однако послѣ велѣлъ оставить ревизію“ [2]). Этотъ „искусный и хорошій судья“, по всей вѣроятности, и былъ Горюшкинъ.

Участь книгопродавцевъ была рѣшена указомъ Императрицы 2 іюля 1796 года; послѣ трехлѣтняго заключенія они были прощены по случаю рожденія Великаго Князя Николая

---

[1]) Пскарскій, Дополненія къ исторіи массонства въ Россіи XVIII столѣтія, С.-п.б. 1869; стр. 161—168 (Сборникъ статей отдѣленія русскаго языка Академіи Наукъ, томъ VII).

[2]) Чтенія Общ. любит. ист. и древн. 1860, кн. II, стр. 54.

Павловича. Но еще раньше, 11 августа 1795 года, сенатскимъ указомъ Горюшкинъ былъ перемѣщенъ изъ палаты уголовнаго суда въ казенную палату.

Въ своихъ университетскихъ лекціяхъ Горюшкинъ точно также не являлся простымъ эмпирикомъ, а даже прямо предостерегалъ слушателей отъ эмпиризма, указывая, что имъ никогда нельзя замѣнить научнаго знанія.

Въ Разсужденіи о нуждѣ всеобщаго знанія россійскаго законоискусства, читанномъ Горюшкинымъ при открытіи класса практическаго законоискусства 5 сентября 1790 года [1]), онъ сравниваетъ науку съ прямою дорогою, практическій же навыкъ уподобляетъ лѣсу: „что порядочное и по правиламъ расположенное ученіе есть ближайшій путь къ познанію,— доказательство сея истины выведемъ изъ самаго простаго воображенія: положимъ вмѣсто науки, надлежащимъ порядкомъ расположенной, устроенную по прямой линіи къ намѣренному мѣсту дорогу, преодолѣвающую искусствомъ всѣ естественныя тому неудобности; а на мѣсто тѣхъ постановленій, которыя весьма мало и неискусно обработаны, поставимъ въ примѣръ тропу проложенную, обходя всѣ невозможности въ пути къ желаемому предмету; на мѣсто же навыка вообразимъ лѣсъ: безъ сомнѣнія заключить можно, что идущіе первою скорѣе придутъ въ назначенное мѣсто, а по второй гораздо медлительнѣе; лѣсомъ же пустя, незнающаго спросите: куда онъ придетъ и когда? Онъ безъ замедленія сдѣлаетъ вамъ сей обыкновенный простыхъ людей отвѣтъ: куда и когда Богъ приведетъ“.

По своему направленію лекціи Горюшкина рѣзко отличались отъ лекцій его коллегъ, нѣмецкихъ профессоровъ факультета. Но различіе это заключалось не въ томъ, чтобы Горюшкинъ отвергалъ значеніе научнаго знанія, а въ томъ, что онъ этому знанію указывалъ другія задачи и другіе пути.

При вступленіи Горюшкина на кафедру, юридическій факультетъ Московскаго университета почти весь состоялъ изъ

---

[1]) Напечатана въ томѣ I Россійск. законоискусства. То же самое дословно повторено и въ Описаніи судебн. дѣйств., II, стр. 31.

профессоровъ-нѣмцевъ. Русскій былъ одинъ только Десницкій, да и тотъ заканчивалъ уже свою профессорскую дѣятельность. Въ 1787 году онъ вышелъ въ отставку. Всѣ остальные были нѣмцы: Шаденъ, Баузе, Шпейдеръ, Пургольдъ. Наиболѣе выдающимися изъ нихъ были Шаденъ и Баузе.

Шаденъ былъ приглашенъ въ университетъ при самомъ его основаніи, но на юридическій факультетъ перешелъ только въ 1778 году. Подобно Аничкову онъ слѣдовалъ ученіямъ Вольфовой школы, но между тѣмъ какъ тотъ повидимому вовсе и не зналъ Канта, Шаденъ уже въ 1772 году открылъ свой курсъ практической философіи рѣчью De haeresibus Criticorum. а въ концѣ своей профессорской дѣятельности перешелъ и самъ отъ Вольфа къ Канту. Въ рѣчи своей De luxu, произнесенной 30 іюня 1793 года, онъ отдаетъ уже рѣшительное предпочтеніе предъ всѣми другими нравственному ученію Канта [1]).

Ученики Шадена, фонъ-Визинъ, Карамзинъ, Цвѣтаевъ, сохранили о немъ самую хорошую память.

Баузе, съ 1782 года замѣнившій Дильтея, также вольфіанецъ, очень скоро сроднился со своимъ новымъ отечествомъ. Онъ очень интересовался русскими древностями и составленное имъ собраніе древностей, погибшее при нашествіи французовъ въ 1812 году, по отзыву Колайдовича, было единственнымъ въ своемъ родѣ. Изученіе древностей сказалось и на его лекціяхъ, которыя Баузе пересыпалъ разсказами изъ русской исторіи. Полюбивъ Россію, Баузе защищалъ ее отъ нападокъ иностранцевъ. Таково содержаніе его рѣчи: Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita, 1796 года.

Меньше значенія имѣли Пургольдъ и Шпейдеръ. „Теоретическій искуснѣйшій профессоръ“ Якобъ Шпейдеръ съ 1782 года читалъ лекціи по Монтескье о духѣ законовъ—

---

[1]) Стр. 44; plures fuere, qui moralitatis notionem connati fuerunt, hos tamen omnes, mihi quidem superare videtur Cel. Regiomonti Philosophus Immanuel Kant, qui scriptis suis novam quandam lucem infert, ita moralibus disciplinis omnibus mirifice prodest.

для студентовъ на латинскомъ, для дворянъ на французскомъ языкѣ. Образчикъ этихъ лекцій сохранился въ напечатанной Шнейдеромъ книгѣ: Разсужденія на Монтескіеву книгу о Разумѣ законовъ, или уроки всеобщей юриспруденціи. № 1. Въ Москвѣ, 1782 года. Вышло только одно, первое разсужденіе: „о исторіи законодательства“, не представляющее ничего выдающагося. Все оно состоитъ изъ общихъ, довольно безсодержательныхъ разсужденій, въ бѣгломъ очеркѣ дающихъ обозрѣніе собственно только государственнаго устройства у различныхъ народовъ, начиная съ индусовъ. Оригинально развѣ только мнѣніе о причинахъ установленія законовъ; „законодательство должно своимъ происхожденіемъ несовершенству правленія такъ, какъ медицина своимъ обязано болѣзнямъ“ (стр. 7).

Эти лекціи Шнейдера нельзя однако считать проявленіемъ историческаго его направленія. Онъ остановился на книгѣ Монтескье просто, какъ на модной книгѣ того времени, не сознавая ея рѣзкаго противорѣчія всему направленію вольфовой школы, царившей тогда въ Германіи. Рядомъ съ лекціями по Монтескье у него идетъ чтеніе римскаго права все по тому же Гейнекцію и Неттельбладту.

По тѣмъ же руководствамъ читалъ римское право и энциклопедію Пургольдъ, одинъ годъ (1789/90), читавшій также „Введеніе въ право Россійское“, въ которомъ излагалъ „начертаніе дѣлъ политическихъ, образа правленія, учрежденій гражданскихъ и военныхъ, равнымъ образомъ и начертаніе законовъ россійскихъ древняго и средняго вѣка, такъ какъ и самаго новѣйшаго времени“. Отъ Пургольда сохранилась актовая рѣчь: De meritis Imperantis in subditos, 1788 года.

Такимъ образомъ, кромѣ Шадена всѣ другіе профессора юридическаго факультета не шли дальше ученій вольфовой школы. А когда Шаденъ въ 1792 году умеръ, кафедру его замѣстилъ профессоръ медицины Мих. Ив. Скіаданъ [1]). Къ философскому ученію Канта онъ относился пренебрежительно,

---

[1]) Племянникъ извѣстнаго Аоанасія Скіады, преподававшаго послѣ Софронія Лихуды греческій языкъ въ Московскомъ типографскомъ училищѣ.

называя его подогрѣтыми щами: cramben bis coctum [1]), и самъ преподавалъ естественное право по Пуффендорфу.

Къ тому же и правительство смотрѣло тогда на ученіе Канта, какъ на опасное новшество. Профессоръ древней словесности Мельманъ, который, по свидѣтельству Тимковскаго „первый принесъ въ университетъ свѣжее ученіе Кантовой критической философіи и, за новость, охотно говорилъ объ ней“, подвергся за то гоненію и не только былъ удаленъ въ январѣ 1795 года изъ университета, но даже высланъ изъ предѣловъ Россіи. Дѣло было начато по заявленію митрополита Платона, которому простодушный Мельманъ самъ же въ частной бесѣдѣ сообщилъ о своихъ воззрѣніяхъ. Митрополитъ разсказалъ профессору Чеботареву, что Мельманъ „предосудительныя имѣетъ мысли объ основаніи христіанской религіи, т. е. о Священномъ Писаніи“. Чеботаревъ донесъ о томъ куратору университета, Хераскову. Между тѣмъ и по городу разнесся слухъ „о дерзкомъ какомъ то разговорѣ Мельмана съ митрополитомъ“. Вслѣдствіе этого Херасковъ потребовалъ отъ Мельмана обѣщанія никому не высказывать своихъ воззрѣній, но тотъ „заключительно отвѣчалъ, что онъ, какъ честный, по его словамъ, человѣкъ, обѣщать того не можетъ“. Дѣло кончилось Высочайшимъ повелѣніемъ „онаго Мельмана, какъ человѣка неспособнаго впредь къ продолженію профессорскаго званія, выслать за границу, за Мемель въ Пруссію“ [2]).

Итакъ господствующимъ въ факультетѣ направленіемъ было отвлеченное направленіе вольфовой школы. Десницкій, съ его отрицаніемъ „удаленныхъ отъ чувствъ человѣческихъ изобрѣтеній“, стоялъ тогда совершенно одиноко, не находя у своихъ коллегъ сочувствія своимъ взглядамъ. И когда Горюшкинъ былъ приглашенъ преподавать въ университетѣ, руководить имъ было поручено факультетомъ не Десницкому, а Шнейдеру. Горюшкинъ однако не подчинился воззрѣніямъ своего руководителя, не пошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ лагерь теоретиковъ естественнаго права. Авторъ Россійскаго зако-

[1]) Разсказъ Тимковскаго, стр. 29.

[2]) Чтенія Общ. люб. пст. и древн., 1863, кн. II. Смѣсь, стр. 86—120.

ноискусства является, подобно Десницкому, послѣдовательнымъ и можетъ быть даже еще болѣе строгимъ позитивистомъ.

Преподаваніе Горюшкина распредѣлялось на два года, по четыре лекціи въ недѣлю. По словамъ Тимковскаго, „курсъ его преподаванія имѣлъ четыре вида: 1-й, по запискамъ въ вопросахъ и отвѣтахъ о правительствѣ, присутственныхъ мѣстахъ, чинахъ, должностяхъ, и хронологически о законныхъ книгахъ; 2-й, по такимъ же запискамъ о порядкѣ судопроизводства, о существѣ и формахъ записныхъ книгъ, судебныхъ и актовыхъ бумагъ и сношеній; 3-й, экзегетическое чтеніе нужнѣйшихъ главъ изъ уложенія, артикуловъ и уставовъ, съ приведеніемъ новѣйшихъ по нимъ законовъ, а дальнѣйшимъ охотникамъ онъ указывалъ, о чемъ гдѣ читать могутъ; 4-й, практика производства дѣлъ на разныя задачи, гдѣ раздавались роли истцовъ, отвѣтчиковъ, судей, секретаря, а въ слѣдственныхъ дѣлахъ роли допросовъ свидѣтелей, очныхъ ставокъ и т. п. Сочиняемыя бумаги онъ исправлялъ по порядку на общемъ чтеніи и дѣла за окончаніемъ представляемы были драматически“.

Самъ Горюшкинъ дѣлитъ законоискусство на двѣ части: „Понеже въ россійскихъ законахъ находимъ предписаніе или о томъ, чему быть за надлежащее къ благосостоянію россійскаго государства почитается; или о томъ, какъ и какимъ образомъ повелѣнное закономъ въ дѣйство производить: то по симъ самымъ законовъ свойствамъ наука сія раздѣляется на двѣ главныя части: первая называется теоретическою, умозрительною, а вторая практическою, дѣятельною“.

Профессорская дѣятельность Горюшкина продолжалась съ 1 января 1786 года по 10 февраля 1811 года. Онъ прожилъ еще десять лѣтъ въ отставкѣ, нерѣдко помогая совѣтами тяжущимся, судьямъ, ученымъ. Снегиревъ говоритъ, что и Карамзинъ пользовался его указаніями по исторіи русскаго права, и въ Исторіи государства россійскаго дѣйствительно имѣются ссылки на „Горюшкинскіе“ списки Русской Правды и Кіевской лѣтописи [1]).

[1]) Томъ II, примѣч. 79,—томъ V, стр. 233.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Горюшкинъ умеръ въ Москвѣ 24 сентября 1821 года и погребенъ на Лазаревомъ кладбищѣ. Онъ оставилъ университету пожертвованіе на учрежденіе студенческой стипендіи.

II.

Обѣ книги Горюшкина—и Законоискусство, и Описаніе судебныхъ дѣйствій—представляются очень содержательными. Онѣ даютъ очень полное изложеніе дѣйствовавшаго тогда права. Законоискусство содержитъ систематическій курсъ матеріальнаго права вмѣстѣ съ изложеніемъ устройства всѣхъ вообще государственныхъ учрежденій; Описаніе судебныхъ дѣйствій—изображеніе гражданскаго и уголовнаго процесса въ лицахъ. Въ Законоискусствѣ авторъ является предъ нами какъ оригинальный систематикъ, стремящійся уложить весь матеріалъ тогдашняго законодательства въ систематическую форму, и притомъ не заимствованную у нѣмцевъ, а выработанную имъ самимъ подъ вліяніемъ ближайшаго практическаго знакомства съ исторіей и догмой русскаго права. Въ Описаніи судебныхъ дѣйствій мы имѣемъ дѣло съ просвѣщеннымъ юристомъ-практикомъ, рисующимъ намъ, каковъ долженъ былъ быть по законамъ и понятіямъ того времени нашъ судебный порядокъ.

Воззрѣнія Горюшкина на право отличаются строгимъ позитивизмомъ: онъ признаетъ только положительное, разнообразное и измѣнчивое право. Правда, онъ опредѣляетъ законъ, какъ „истины, выведенныя изъ существа и естества вещей по необходимой причинѣ заключенія“ (§ 11) [1]), но истины эти выводятся „умствованіемъ народа, т. е. общимъ онаго мнѣніемъ о томъ, что онъ почитаетъ за необходимое къ общему всѣхъ и особливо каждаго дѣянію“ (§ 5), а „народное умствованіе зависитъ отъ воли народа“ (§ 12). Такимъ образомъ дѣйствительнымъ основаніемъ законовъ онъ признаетъ собственно народное умствованіе и законодатель у него является лишь выразителемъ народнаго правосозна-

[1]) Параграфы въ скобкахъ означаютъ параграфы Законоискусства.

нія: „что весь народъ мыслитъ или почитаетъ за необходимое къ дѣянію, тому законоположникъ предписываетъ нужныя правила“ (§ 11).

За всѣми человѣческими законами, безо всякаго исключенія, онъ признаетъ свойство „зависѣть ото всѣхъ приключеній въ свѣтѣ бывающихъ и перемѣняться по тому, какъ нужда чего востребуетъ“ (§ 100).

Кромѣ человѣческаго права Горюшкинъ признаетъ также существованіе права божественнаго и права животныхъ, а право человѣческое подраздѣляетъ на естественное и общественное. Но все это нисколько не противорѣчитъ его строгому позитивизму. И божественное, и естественное право, и право животныхъ—онъ понимаетъ только какъ подраздѣленіе законовъ, основанныхъ на „умствованіи“ того или другаго народа, въ данномъ случаѣ русскаго народа. Даже право животныхъ онъ основываетъ не на непосредственномъ установленіи природы, а просто на томъ, что „россійскіе законы содержатъ и особенныя правила, обязывающія людей, дабы имъ поступать и съ прочими животными такъ, чтобы и они чувствовали собственное свое благосостояніе“ (§ 91).

Впрочемъ въ параграфахъ, посвященныхъ „законамъ, касающимся „до прочихъ животныхъ“ (§§ 4191—4197), никакихъ постановленій русскаго законодательства не приводится, а дается только одно раздѣленіе всѣхъ животныхъ на скотовъ, домашнихъ и дикихъ, звѣрей, хищныхъ и „которые не суть такіе“, птицъ, насѣкомыхъ, вредныхъ (саранча) и приносящихъ пользу (пчелы), и рыбъ. О рыбахъ только и сказано, что это суть „водныя животныя, употребляемыя въ снѣдь“.

Не болѣе содержательнымъ представляется и изложеніе божественнаго права, раздѣляемаго Горюшкинымъ на 1) право Закона Божія или Святыя Вѣры и 2) право церковнаго чинополоненія, или обрядовъ, на вѣрѣ основанныхъ (§ 94). Право Закона Божія сводится къ заповѣдямъ любви, къ Богу и къ ближнимъ (§§ 95, 96). Въ двухъ параграфахъ (§§ 97, 98) о церковномъ чинополоненіи содержится просто ссылка на Требникъ.

Въ Описаніи судебныхъ дѣйствій (I, стр. 20, 21) кромѣ

того устами секретаря выясняется соотношеніе духовныхъ и свѣтскихъ дѣлъ, согласно Начертанію о приведеніи къ окончанію новаго уложенія.

Естественные законы отъ общественныхъ Горюшкинъ отличаетъ не по источнику, или по силѣ, а по предмету. Естественные законы, по его опредѣленію, это „законы въ разсужденіи человѣка особенно отъ другихъ“; законы общественные—„законы въ разсужденіи взаимности его съ другими“ (§ 301).

Такъ какъ человѣкъ, взятый „особенно отъ другихъ“, представляется: 1) простымъ тѣломъ, подобнымъ вещамъ неисчислимаго множества, находящимся въ свѣтѣ; 2) существомъ живымъ, изъ тѣла и духа составленнымъ, сходственно съ прочими животными, и 3) существомъ разумнымъ, особенно человѣку присвояемымъ, то и естественное право распадается на право тѣла, право жизни и право разума“.

Такъ какъ естественное право по ученію Горюшкина имѣетъ положительный характеръ, то и всѣ эти естественныя права онъ основываетъ исключительно на постановленіяхъ русскаго законодательства. Къ праву тѣла онъ относитъ „законы, принадлежащіе до сохраненія нашего тѣлеснаго состава“, т. е. запрещающіе „дѣлать вредъ своему тѣлу и лишать себя членовъ“, а также „притворять себя больнымъ“. Къ праву жизни отнесены законы, запрещающіе самоубійство, дозволяющіе собственную оборону и обезпечивающіе пропитаніе. Къ праву пропитанія отнесены также и законы объ обезпеченіи народнаго продовольствія (§ 112, 114). Право разума опредѣляется, какъ „свобода разсуждать о всемъ по правиламъ благоразумія и выводить заключенія, слѣдующія изъ основаній, сомнѣнію не подверженныхъ“ (§ 117).

Въ виду того опредѣленія, какое Горюшкинъ даетъ естественному праву, можно бы было ожидать, что къ нему онъ отнесетъ все частное право, противопоставивъ ему, подъ именемъ общественнаго, публичное право. Къ тому же заимствованное имъ изъ Начертанія опредѣленіе особеннаго или гражданскаго права очень близко подходитъ къ его собственному

опредѣленію естественнаго права: „особенное право сдѣлано для пользы каждаго лица особенно“.

Тѣмъ не менѣе Горюшкинъ относитъ „особенное“ право не къ естественному, а къ общественному и даже къ государственному, которое онъ подраздѣляетъ на общее и особенное или гражданское (§ 2153). Къ праву особенному онъ относитъ, кромѣ вещественнаго права и права обязательствъ, еще и личное право, основой котораго являются равенство и вольность. Такимъ образомъ, по воззрѣніямъ Горюшкина, не только право собственности, но точно также равенство и свобода признаются не естественными, а общественными правами человѣка.

Воззрѣнія Горюшкина на источники права очень близко подходятъ къ ученію исторической школы, хотя произведенія Густава Гуго и Савиньи ему вовсе не были извѣстны. Въ выясненіи общаго понятія закона онъ опирается на положенія, высказанныя въ Наказѣ, причемъ особенное значеніе придаетъ статьѣ 51, довольно существенно измѣняя тотъ смыслъ, какой онъ имѣетъ въ общей связи шестой главы Наказа.

Глава эта воспроизводитъ собственно содержаніе XIX книги Esprit des lois; Des lois dans le rapport qu'elles ont avec les principes qui forment l'esprit général, les moeurs et les manières d'une nation. И самъ Монтескье, и вслѣдъ за нимъ Екатерина II говорятъ здѣсь о взаимномъ соотношеніи законовъ, какъ „особенныхъ и точныхъ установленій законоположника“ и нравовъ, обыкновеній [1]), какъ установленій всего вообще народа. Законы представляются у нихъ, какъ нѣчто независимое отъ нравовъ, могущее содѣйствовать перемѣнѣ нравовъ. Горюшкинъ же толкуетъ это въ томъ смыслѣ, что „законы основаніемъ имѣютъ народное умствованіе“ и являются лишь выраженіемъ народнаго умствованія. „Когда законы основаніемъ своимъ имѣютъ народное умствованіе, а оное вообще есть такое дѣйствіе, по-

---

[1]) У Монтескье, l. XIX, ch. 14 „les moeurs et les manières“, въ Наказѣ и во французскомъ текстѣ „les moeurs et les coutumes“. Очевидно эти выраженія Императрица считала безразличными. Въ Наказѣ нигдѣ не встрѣчается понятіе юридическаго обычая.

средствомъ котораго выводятся одни истины изъ другихъ, по необходимой причинѣ заключенія; то посему и законы не что иное должны быть, какъ истины, выведенныя изъ существа и естества вещей, господствующихъ надъ человѣкомъ (вѣры, климата, правилъ, принятыхъ въ основаніе отъ правительства, примѣровъ дѣлъ прошедшихъ и т. д.). Изъ сего также слѣдуетъ и то, что весь народъ мыслитъ или почитаетъ за необходимое къ дѣянію, тому законоположникъ предписываетъ нужныя правила".

Какъ видно изъ Описанія судебныхъ дѣйствій, Горюшкинъ придавалъ большое значеніе „народному умствованію" и въ дѣлѣ практическаго примѣненія законовъ. По спору о наслѣдствѣ между теткою, сестрою наслѣдодателя и племянницей, внукой отъ умершаго сына, Горюшкинъ, вопреки установившейся тогда практикѣ, признававшей право наслѣдованія только за внуками, рѣшаетъ дѣло въ томъ смыслѣ, чтобъ имѣніе раздѣлить между ними поровну, основываясь на томъ, что указъ 10 августа 1785 года относится только къ выслуженнымъ вотчинамъ. При этомъ младшій засѣдатель, который сначала одинъ держится такого мнѣнія, въ отвѣтъ на замѣчаніе старшаго засѣдателя: „да на что намъ заниматься этакими моральными воображеніями, когда законы говорятъ иначе?—ссылается на то, что законы въ нашемъ отечествѣ суть особенныя и точныя установленія законоположника, но примѣненныя къ народному умствованію: то кажется мнѣ, едва ли можетъ быть и въ нихъ что либо иное" (III, стр. 601).

Признаніе основой права „народнаго умствованія" приводитъ Горюшкина къ тому, что законодательство онъ не считаетъ единственной формой права. Кромѣ письменныхъ законовъ, онъ признаетъ еще существованіе словесныхъ законовъ, выражающихся въ пословицахъ. Онъ думаетъ даже найти въ постановленіяхъ нашего законодательства подтвержденіе законной силы пословицъ, правда довольно неудачно. У него приведены двѣ ссылки: первая на духовный уставъ: „1-й части на оборотѣ 3-го листа сказано: древнее пословіе есть греческое: другіе помыслы мудрѣйшіе суть и паче первыхъ". Другое на указъ 1720 года объ изданіи морскаго устава: „и по-

неже сіе дѣло необходимо нужно есть государству по оной пословицѣ, что всякой потентатъ, который едино войско сухопутное имѣетъ, одну руку имѣетъ, а который и флотъ имѣетъ обѣ руки имѣетъ". Впрочемъ, замѣчаетъ авторъ, желающіе причять трудъ могутъ найти и болѣе сего (§ 44). Въ слѣдующемъ параграфѣ приводится для примѣра нѣсколько пословицъ, частью книжныхъ, частью передѣланныхъ народныхъ.

Переходя къ законамъ письменнымъ, Горюшкинъ даетъ очеркъ внѣшней исторіи русскаго права. Тутъ онъ прежде всего опровергаетъ мнѣніе Татищева, будто Русская Правда Ярослава была древнѣйшимъ въ Россіи закономъ. Въ словахъ лѣтописца: „поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ *по праву*", онъ видитъ доказательство существованія *права*, еще до призванія варяговъ. Да и въ договорахъ съ греками находитъ „многія ссылки на законы русскіе", указывая притомъ на сходство постановленій договоровъ съ постановленіями Русской Правды. Затѣмъ на 15 страницахъ дается перечень законодательныхъ актовъ до 1810 года включительно.

И въ послѣдующемъ изложеніи замѣтно стремленіе къ историческому обоснованію и объясненію. Широко пользуясь въ изложеніи общихъ положеній Наказомъ, Горюшкинъ не ограничивается простой ихъ передачей. Отвлеченныя положенія Наказа онъ старается дополнить и подкрѣпить историческими указаніями.

Въ Наказѣ установленій самодержавія указывается какъ необходимое слѣдствіе естественнаго положенія Россіи: „пространное государство предполагаетъ самодержавную власть" (ст. 10). Горюшкинъ приводитъ въ четвертомъ переплетѣ (§ 2159, 2160), соотвѣтствующія мѣста Наказа, но дополняетъ ихъ указаніемъ на слабость Россіи въ удѣльномъ періодѣ, а въ началѣ своего изложенія (§§ 13 и 14) даетъ историческое объясненіе самодержавія, полагая, что оно установилось еще со временъ Рюрика. Любопытенъ при этомъ его анализъ приводимыхъ лѣтописцемъ словъ: „поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по праву": 1) „*Володѣть* или владѣть, есть не что иное, какъ вольно, властно или свободно дѣлать. 2) Чрезъ слово *рядъ* означалось тогда учиненное о чемъ либо

основательное или твердое постановленіе. 3) *Право* прежде и нынѣ пріемлется знаменованіемъ такихъ нашихъ дѣяній, которыя учинены быть должны такъ, какъ оныя сдѣлать возможнымъ по закону признается. Изъ сего явствуетъ, что обитавшіе тогда въ Россіи народы положили призываемымъ ими вручить надъ собою право постановлять или учреждать въ ихъ обществѣ все то, что только служитъ къ ихъ благосостоянію, и дѣлать оное вольно, то есть безъ всякаго, отъ кого бы то ни было, въ семъ случаѣ помѣшательства или препятствія; а посему отъ того самаго времени всѣ законы, принадлежащіе до всякаго въ государствѣ распоряженія, стали быть зависимы отъ власти и воли Россійскихъ государей".

Говоря о законодательной власти, Горюшкинъ замѣчаетъ, что „изданіе всеобщихъ законовъ изъ самой древности бывало въ собраніи государственныхъ чиновъ и старѣйшихъ изъ гражданъ добрыхъ и умныхъ людей", ссылаясь при этомъ на примѣръ св. Владиміра, Іоанна Грознаго, Алексѣя Михайловича, Екатерины II и заканчивая эту историческую справку словами манифеста объ учрежденіи Государственнаго Совѣта: „по примѣрамъ древняго отечественнаго законодательства, мы не оставимъ назначить порядокъ, коимъ уложеніе совокупнымъ разсмотрѣніемъ избраннѣйшихъ сословій имѣетъ быть уважено и достигнетъ совершенства".

Система, какой держится Горюшкинъ въ своемъ законоискусствѣ, очень своеобразна. Въ этомъ отношеніи вліяніе генералъ-прокурорскаго Наказа и Начертанія сказалось только во второстепенныхъ подробностяхъ. Извѣстно, что въ Большомъ Наказѣ вовсе не было дано систематическаго раздѣленія законовъ. Оно намѣчено Екатериной II въ генералъ-прокурорскомъ Наказѣ [1]) и въ Начертаніи [2]). Въ генералъ-про-

---

[1]) Esprit des lois, livre XXVI, ch. I. Наказъ даетъ дословный переводъ этой главы, только у Монтескье на первомъ мѣстѣ поставлено не божественное право, а естественное. И въ остальномъ генералъ-прокурорскій Наказъ представляетъ весьма впрочемъ отрывочную передачу содержанія другихъ главъ (2, 3, 15), изъ нѣкоторыхъ (21, 23) приведены только заголовки.

[2]) П. С. З. № 13.095 (стр. 503—512), апрѣля 8, 1768 года.

курорскомъ Наказѣ Императрица, слѣдуя Монтескье [1]), различаетъ девять различныхъ родовъ законовъ: „1) право божественное, которое есть право закона Божія или святыя вѣры; 2) право церковное, которое есть чиноположеніе, или обряды, на вѣрѣ основанные; 3) право естественное; 4) право народное, которое можно почитать гражданскимъ правомъ всемірнымъ, въ такомъ смыслѣ, что всякой народъ особо есть будто бъ одинъ гражданинъ міра; 5) право государственное общее, котораго предлогъ есть мудрость человѣческая, основавшая всѣ общества; 6) право государственное особенное, которое принадлежитъ каждому обществу особливо; 7) право завоеванія, основанное на томъ, что какой нибудь народъ хотѣлъ, или могъ, или принужденнымъ нашелся сдѣлать насиліе другому народу; 8) право гражданское каждаго общества, по которому каждый гражданинъ можетъ защищать свое имѣніе и жизнь отъ нападковъ другаго гражданина; 9) наконецъ, право домашнее, или семейское, которое происходитъ отъ того, что всякое общество раздѣлено на разныя семьи, требующія особеннаго управленія.“

Эта пестрая классификація, лишенная всякаго единства, смѣшивающая во едино различіе по содержанію съ различіемъ по источнику, и у самого Монтескье выставляется лишь мимоходомъ [2]), главнымъ образомъ для обособленія свѣтскаго законодательства отъ законодательства церкви. Какъ руководящій планъ для практическаго дѣла кодификаціи, классификація эта, конечно, должна была оказаться совершенно непригодной. Въ этомъ скоро убѣдилась и сама Императрица. Въ составленномъ ею черезъ два года Начертаніи о приведеніи къ окончанію коммисіи проекта новаго уложенія указана уже совсѣмъ другая классификація законовъ, а именно общепринятое различіе публичнаго и частнаго права: „право общее, которое учреждается

---

[1]) П. С. З. № 12,950 (стр. 281—283), іюля 30, 1767 года.

[2]) Въ первой книгѣ Esprit des lois (ch. 3) различаются кромѣ естественнаго права только droit des gens, droit politique и droit civil, но и этому различію не придано вовсе значенія. Монтескье прямо говоритъ въ концѣ первой книги: je n'ai point separé les lois politiques des civiles.

ради общей пользы народовъ въ томъ разсужденіи, что они составляютъ тѣло государства", и „право особенное, которое сдѣлано для пользы каждаго лица особенно". „Предметъ права общаго есть установленіе и соблюденіе обрядовъ общихъ, необходимо нужныхъ для сохраненія цѣлости, добраго порядка и тишины государства... Право особенное заключаетъ въ въ себѣ всѣ тѣ узаконенія и установленія, которыя каждому гражданину, живущему съ прочими въ обществѣ, какъ въ разсужденіи его самого, такъ и разсужденіи его имѣнія и обязательствъ, приносятъ пользу и безопасность".

Горюшкинъ дѣлитъ все право на божественное, человѣческое и право животныхъ. Право естественное вмѣстѣ съ правомъ общественнымъ составляетъ у него подраздѣленіе права человѣческаго. Каково содержаніе права естественнаго, мы уже знаемъ. „Право общественное или общежительное, по опредѣленію Горюшкина, есть законъ, содержащій въ себѣ повелѣніе объ отношеніи человѣческихъ дѣяній къ общежительству". Общества, по его мнѣнію, существуютъ восьми различныхъ родовъ: „1) такое, которое весьма въ близкомъ отношеніи къ человѣку, какъ то: составляющее домъ его или жилище съ его семействомъ; 2) такое, которое имѣетъ другое равное сему особливое свое жилище въ близкомъ съ нимъ мѣстоположеніи или сосѣдствѣ; 3) сосѣдства составляютъ селенія; 4) множество селеній составляютъ уѣздъ; 5) уѣздъ предполагаетъ городъ; 6) множество уѣздовъ и городовъ составляютъ намѣстничество или губернію; 7) всѣ намѣстничества составляютъ государство, или такое народное общество, которое совокуплено изъ разныхъ родовъ въ одинаковомъ намѣреніи ихъ благосостоянія, и наконецъ 8) такое, которое имѣетъ равное сему особенное свое намѣреніе, именуемое инымъ и чужимъ народомъ". Сообразно съ этимъ и общественное право подраздѣляется на домашнее, сосѣдское, селеній, уѣздное, городское, губерній, государственное и народное (§ 119).

Домашнее право обнимаетъ собою не только все семейное право, но также отношенія къ крѣпостнымъ и наемной прислугѣ, правила о предосторожности отъ огня, отъ прилипчи-

выхъ болѣзней, отъ покражи и, наконецъ, неприкосновенность дома „отъ входа въ оный особъ, опредѣленныхъ отъ правительства по дѣламъ гражданскимъ и по дѣламъ уголовнымъ“. Основываясь на статьѣ 138, главы X Уложенія, Горюшкинъ признаетъ недозволеннымъ насильственное вторженіе органовъ власти въ частное жилище по поводу гражданскихъ взысканій (§ 509). Этому правилу, охраняющему неприкосновенность домашняго очага, онъ придаетъ особенное значеніе. Въ Описаніи судебныхъ дѣйствій засѣдатели уѣзднаго суда разъясняютъ его важность. „Примѣчанія достойно то, что во дворъ то и посланные отъ правительства входить не могутъ. Домъ для всякаго хозяина надежное убѣжище“ (III, стр. 830).

Подобную же нестроту содержанія находимъ и въ другихъ отдѣлахъ общественнаго права. Въ правѣ сосѣдскомъ говорится и о нарушеніи владѣнія недвижимостями, причемъ указывается и на порядокъ охраны нарушеннаго владѣнія. „Въ уложеніи предписывалось обиженнымъ искать судомъ, почему просители отъ удовлетворенія своего были удаляемы на долгое время, а отвѣтчики пользовались сильно присвоеннымъ до рѣшенія дѣла. Но въ Высочайшихъ учрежденіяхъ для управленія губерній сдѣланы на то весьма ближайшіе способы. Исполняя все сіе въ самой точности, могутъ быть прекращаемы всякаго рода насильства въ кратчайшее время (§§ 552, 553). Въ уѣздномъ правѣ, по поводу разсмотрѣнія предметовъ вѣдѣнія уѣзднаго суда говорится о вѣрющихъ и заемныхъ письмахъ; въ правѣ губернскомъ—о правѣ аукціонномъ.

Самый обширный отдѣлъ—право государственное: оно занимаетъ болѣе трети всей книги—780 страницъ, и само подраздѣляется на право общее и право особенное или гражданское.

Право общее въ свою очередь распадается на два отдѣла. „Понеже всякое дѣйствіе безъ дѣйствующаго и возможностей или силъ его быть не можетъ, то отсюда рождается раздѣленіе общаго права: 1) на право, которое относится къ возможностямъ или силамъ, дабы производить въ дѣйство все то, что нужно къ благосостоянію государственному: что особливо

называется произведеніемъ въ дѣйство верховныя власти или правительства, и 2) на тѣ установленія, которыя вмѣщаютъ въ себѣ все то, что особливо для благоденствія общества необходимо нужнымъ признается, что и называется законами общественнаго благоустройства“ (§ 2156). Это дѣленіе соотвѣтствуетъ обычному теперь дѣленію на государственное устройство и государственное управленіе.

Въ первомъ отдѣлѣ общаго права разсматриваются право верховной власти и „право особъ, опредѣленныхъ отъ оныя“. Верховная власть, будучи наслѣдственной, слагается изъ трехъ отдѣльныхъ властей: законодательной, защитительной и совершительной. Это дѣленіе взято изъ Начертанія. Власть защитительную Горюшкинъ опредѣляетъ какъ „право защищать или оборонять подданный народъ какъ вообще, такъ и особливо каждаго отъ обидъ и утѣсненій. Какъ обиды и утѣсненія бываютъ или живущими внѣ государства цѣлыми народами и частными, или во внутренности, то посему и право защитительное раздѣляется на два рода, на защищеніе внѣшнее и на защищеніе внутреннее. Къ защищенію внутреннему принадлежитъ: 1) опредѣлять особъ нужныхъ для благосостоянія государства; 2) имѣть свѣдѣнія о дѣлахъ по первымъ двумъ пунктамъ, и 3) рѣшать дѣла по жалобамъ на отправляющихъ правосудіе (§§ 2175—2178). Власть совершительная опредѣляется какъ „право государя подтверждать и отвергать все сдѣланное особами, отъ него опредѣленными, относительно до подданнаго ему народа“, и затѣмъ поясняется, что сюда относятся только тѣ дѣла, которыя „особы, опредѣленныя отъ государя обязаны вносить для окончательнаго вершенія къ самому государю“. Горюшкинъ считаетъ такими дѣлами дѣла о присужденныхъ къ смертной казни или политической смерти, о возвращеніи чиновъ тѣмъ, кои оныхъ лишены, и о похищеніи казны (§§ 2223, 2224).

Въ этомъ различеніи элементовъ верховной власти, заимствованномъ изъ Начертанія, обращаетъ на себя вниманіе совершенное отсутствіе хотя бы какого либо намека на обособленіе судебной власти. Судебныя функціи раздроблены между защитительной и совершительной властями и не образуютъ

вовсе чего либо цѣлаго, объединеннаго. Въ этомъ отношеніи Горюшкинъ слѣдуетъ по стопамъ составительницы Наказа. Заимствуя такъ много у Монтескье, Екатерина II совершенно обошла его теорію раздѣленія властей. Въ Начертаніи, какъ и у Горюшкина, различаются только законодательная, защитительная и совершительная власти безъ ближайшаго ихъ опредѣленія и вовсе не выдѣляется особо власть судебная. Въ Наказѣ, въ главѣ IX, говорится о „судейской власти, состоящей въ одномъ исполненіи законовъ, и то для того, чтобы сомнѣнія не было о свободѣ и безопасности гражданъ“ (ст. 98). Но при этомъ очевидно судейская власть не отличается опредѣленно отъ исполнительной, такъ какъ тутъ же всѣ учрежденія Петра Великаго: „Сенатъ, коллегіи и нижнія правительства“, безразлично относятся къ органамъ судейской власти (ст. 99).

Въ то время, когда появилось Законоискусство, въ руководящихъ правительственныхъ сферахъ у насъ уже исходили изъ принятаго у Монтескье различія властей. Сперанскій въ своемъ Проектѣ уложенія государственныхъ законовъ говоритъ: „три силы управляютъ государствомъ: силы законодательная, исполнительная, судная“, и для судебной власти требуетъ полной самостоятельности. „Сословіе судебное должно быть такъ образовано, чтобы въ бытіи своемъ оно зависѣло отъ свободнаго выбора и одинъ только надзоръ за судебными формами и охраненіемъ общественной безопасности принадлежалъ правительству“ [1]). Но Горюшкинъ не шелъ дальше Наказа.

Ученіе о законахъ государственнаго благоустройства, которое Горюшкинъ безразлично называетъ и благосостояніемъ, содержитъ три отдѣла: объ общей пользѣ, о сохраненіи въ цѣлости добраго порядка и тишины и о доходахъ государства. Подъ рубрикой „сохраненія добраго порядка“ говорится, между прочимъ, объ отправленіи правосудія и о преступленіяхъ. Горюшкинъ тутъ въ общемъ слѣдуетъ Наказу. Только классификацію преступленій онъ даетъ свою. Наказъ, глава VII, статьи 68—72, различаетъ четыре рода преступленій: противъ

[1]) Щегловъ, Государственный Совѣтъ въ Россіи, I, 1892, стр. 829, 837.

закона или вѣры, противъ нравовъ, противъ тишины и спокойствія и противъ безопасности гражданъ. Впрочемъ это раздѣленіе не вполнѣ выдержано. Въ главѣ VIII, статья 138, различаются „преступленія, касающіяся больше до гражданъ“ и „принадлежащія болѣе къ государству“. „Первыя называются особенными или частными, вторыя суть преступленія народныя или общественныя“. Въ главахъ X, статья 229, и главѣ XX, A, выдѣляется еще какъ особый родъ преступленій: оскорбленіе величества.

Горюшкинъ, отчасти комбинируя эти различныя классификаціи Наказа, отчасти дополняя ихъ, установляетъ такую общую группировку преступныхъ дѣяній: I—общественныя преступленія: 1) противъ закона или вѣры; 2) оскорбленіе величества; 3) похищеніе или ущербъ казеннаго или государственнаго дохода; 4) противъ общей торговли; 5) противъ общенароднаго здравія; 6) запрещенные съ народа сборы; 7) противъ благочинія, и 8) противъ правосудія вообще; II—преступленія частныя: 1) противъ безопасности гражданъ; 2) противъ правъ, и 3) противъ тишины и спокойствія (§§ 4564—4067).

Такъ какъ большинство вопросовъ административнаго права, уголовнаго права, судоустройства и процесса по системѣ Горюшкина вошли въ сосѣдское, уѣздное, губернское право, то весь этотъ отдѣлъ о благоустройствѣ представляется очень малосодержательнымъ.

То же должно сказать и о правѣ особенномъ. Горюшкинъ тутъ въ общемъ держится Наказа и Начертанія, но съ довольно характерными отступленіями. Въ Начертаніи содержаніе „права лицъ“ сводится только къ опредѣленію различныхъ сословныхъ правъ. У Горюшкина передъ этимъ говорится „о правѣ личномъ всѣхъ вообще гражданъ“: о равенствѣ, вольности, безопасности. Начертаніе различаетъ только три рода людей: дворянство, средній родъ и нижній родъ. У Горюшкина—пять родовъ: духовенство, дворяне, разночинцы, люди средняго рода и люди нижняго рода (§ 4081). Разночинцами онъ называетъ „нижнихъ чиновъ воинской, гражданской и придворной службы и прочихъ, которые не изъ дворянъ и не

причисляются къ купечеству или торговому состоянію", оговариваясь при этомъ, что „бѣглымъ разночинцами не называться" (§ 4093).

Къ договорамъ, кромѣ перечисленныхъ въ Начертаніи, Горюшкинъ присоединяетъ еще издѣлье, ссылаясь на Уложеніе, а также супружество и усыновленіе—ссылаясь на Кормчую (§ 4186).

Сложную и запутанную систему законоискусства нельзя назвать удачной. Распредѣленіе матеріала по различнымъ отдѣламъ представляется во многомъ совершенно случайнымъ и не обезпечивающимъ послѣдовательности изложенія. Со всѣми уѣздными, городскими, губернскими учрежденіями читатель знакомится раньше, чѣмъ получаетъ хотя какое либо понятіе о формѣ государственнаго устройства. Особенно страннымъ является отнесеніе гражданскаго права къ государственному, когда большинство частно-правовыхъ институтовъ разсматривается въ предшествующихъ отдѣлахъ.

Но при всемъ томъ система эта представляетъ не одну только путаницу. Въ неудачной, незрѣлой формѣ въ ней выразилось своеобразное пониманіе права, рѣзко отличающееся отъ выработаннаго средневѣковой и естественно-правовой доктриной Запада.

Еще Снегиревъ замѣтилъ въ системѣ Горюшкина „борьбу сильной, но безформенной народности съ классическими понятіями древнихъ и новѣйшихъ юриспрудентовъ" [1]). Едва ли можно на самомъ дѣлѣ усмотрѣть въ ней такую борьбу. Авторъ-самоучка вовсе и не считается съ установившимися въ современной ему юридической литературѣ воззрѣніями. Если и вѣренъ разсказъ Тимковскаго, будто бы Горюшкинъ „вызубрилъ" Неттельбладта, во всякомъ случаѣ онъ не только не проникся основными идеями тогдашней теоріи естественнаго права, но даже повидимому и не вполнѣ усвоилъ ихъ себѣ. Въ своемъ изложеніи онъ не оспариваетъ, не опровергаетъ ихъ, а просто игнорируетъ. Только при выясненіи понятія закона сдѣланы у него ссылки на литературу. Приводятся

---

[1]) Русскій Архивъ, 1866, столб. 759.

опредѣленія греческихъ философовъ, римскихъ юристовъ, „схоластическихъ богомудрецовъ“, Гроція, Пуффендорфа, Барбейрака, Томазія, Вольфа, Грибнера, Гудлинга, Бурламаки, Монтескье, Бильфельда, Неттельбладта, Блекстона, Юсти и „неизвѣстнаго автора италіянской книги о штрафахъ и наказаніяхъ“. Но онъ вовсе не останавливается на ихъ оцѣнкѣ, ограничиваясь лишь замѣчаніемъ, что многіе мужи знаменитые мудростью, желая симъ словамъ, право и законъ, дать ясныя и подробныя понятія, означали оныя разными словами. Но мы, желая имѣть ясное и подробное описаніе о законахъ россійскихъ, обязаны обратить вниманіе только на тѣ предписанія, которыя для ознаменованія оныхъ положены въ установленіяхъ нашего отечества“ (§ 2).

Воззрѣніе Горюшкина на право совершенно чуждо субъективизма и индивидуализма, рѣзко отличавшихъ естественно-правовыя теоріи XVIII вѣка. Право въ субъективномъ смыслѣ не служитъ у него основнымъ понятіемъ всего построенія. Онъ, правда, даетъ въ началѣ опредѣленіе субъективнаго права, отличая его отъ законовъ. „Что принадлежитъ до правъ, то они не что иное суть, какъ возможности производить въ дѣйство все то, что законъ дозволяетъ“ (§ 3). Но понятіе это у него не изслѣдуется ближе и не играетъ никакой роли въ его системѣ. Его система есть система нормъ объективнаго права, а не субъективныхъ правъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ основаніемъ его системы служитъ не обособленная личность, не индивидъ, а общество. Хотя праву общественному онъ и противополагаетъ право естественное, но опредѣляющимъ его началомъ является не индивидуальная свобода, а обязанности и притомъ обязанности въ отношеніи къ самому себѣ: не дѣлать вреда своему тѣлу, не лишать себя членовъ и жизни, доставлять себѣ пропитаніе. Только одно естественное право, право разума, опредѣляетея у Горюшкина, какъ „свобода разсуждать“, да и то онъ какъ бы сомнѣвается, чтобы это точно было естественное право. „Право сіе, говоритъ онъ, въ обширномъ смыслѣ вмѣщаетъ все то, что можетъ относиться къ благосостоянію всѣхъ и каждаго; слѣдовательно и всѣ законы, касающіеся до обще-

жительства, или взаимности нашей съ другими, какъ изобрѣтенія единаго разума“ (§ 117).

За исключеніемъ этого естественнаго права, опредѣляющаго преимущественно обязанности человѣка къ самому себѣ и потому представляющагося скорѣе нравственностью, чѣмъ правомъ, все остальное право понимается какъ право общественное. Даже частное право выводится имъ не изъ понятія индивида, а изъ понятія общества и въ этомъ съ особенною рѣзкостью сказывается своеобразность воззрѣній Горюшкина и ихъ противоположность ученіямъ школы естественнаго права. Конечно, форма, въ какой Горюшкинъ выразилъ признаніе и за гражданскимъ правомъ общественнаго, а не индивидуальнаго характера, очень неудачна. Нельзя гражданское право считать лишь отраслью государственнаго. Но самая мысль объ общественномъ характерѣ гражданскаго права заслуживаетъ полнаго признанія. Теперь и въ западной литературѣ все болѣе и болѣе вытѣсняется чисто индивидуалистическая конструкція гражданско-правовыхъ институтовъ.

Къ тому же отнесеніе гражданскаго права къ государственному объясняется тѣмъ, что самое понятіе гражданскаго права не вытекаетъ изъ принятой Горюшкинымъ системы права по различію формъ общенія, а заимствовано имъ изъ екатерининскаго Начертанія, дающаго совсѣмъ другую систему права. Поэтому гражданскому праву въ системѣ Горюшкина не находится ни подходящаго мѣста, ни опредѣленнаго содержанія. Всѣ институты гражданскаго права размѣщаются у него въ домашнемъ, сосѣдскомъ, сельскомъ, уѣздномъ, губернскомъ правѣ, а на долю произвольно приклееннаго къ системѣ въ подражаніе Начертанію „особеннаго“ права ничего не остается, и Горюшкинъ наполняетъ этотъ отдѣлъ простымъ пересказомъ тѣхъ общихъ положеній, какія даны въ Начертаніи.

III.

„Описаніе судебныхъ дѣйствій“ дастъ драматическое, въ лицахъ, изображеніе судебнаго производства. Дѣйствіе проис-

ходитъ во вновь открытомъ Добровольскомъ уѣздномъ судѣ и первое засѣданіе начинается съ чтенія указа губернскаго правленія объ уничтоженіи воеводской канцеляріи и открытіи уѣзднаго суда.

Главныя дѣйствующія лица: судья, два засѣдателя,—всѣ бывшіе военные, и секретарь—изъ студентовъ университета. Горюшкинъ уподобляетъ секретаря—чувству зрѣнія, а засѣдающихъ въ судѣ—уму „потому, что должность секретарская предписываетъ ему представлять все нужное къ рѣшенію, а засѣдающіе обязываются на нихъ давать свои рѣшенія“ (I, стр. 250) [1]). Кромѣ того появляются и другіе служащіе при судѣ, а также цѣлый рядъ истцовъ и отвѣтчиковъ: Нерасторопновъ, Прижимковъ, Хлопотинъ, Правдинъ, Прибираловъ... Лица эти у Горюшкина не простые манекены; по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ нихъ онъ придаетъ живой, индивидуальный обликъ.

Такъ младшій засѣдатель рисуется, какъ спорщикъ и прогрессистъ, новаторъ. Уже при самомъ открытіи суда онъ выражаетъ сомнѣніе—примѣнимъ ли къ дѣлопроизводству въ уѣздномъ судѣ генеральный регламентъ, говорящій только о коллегіяхъ. Но секретарь устраняетъ это сомнѣніе ссылкою на указы 8 декабря 1733 и 8 ноября 1756 года, предписывающіе „всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ въ произвожденіи и рѣшеніи дѣлъ и прочемъ поступить по генеральному регламенту“ (I, стр. 15).

Въ другихъ случаяхъ ему удается склонить судъ къ принятію его предложеній. Секретарь говоритъ, что по установившемуся обычаю учрежденія одной губерніи не могутъ сноситься непосредственно съ учрежденіями другой, а представляютъ о томъ въ свое губернское правленіе. Основаніемъ такой практики послужила ст. 420, п. 2 Учрежденія о губерніяхъ, постановляющая, что „власть уѣзднаго суда далѣе того округа, гдѣ учрежденъ, не распространяется“. Но по мнѣнію младшаго засѣдателя, „власть совсѣмъ иное, нежели сообщеніе о нужныхъ обстоятельствахъ“, и кромѣ того въ п. 4

---

[1]) Цифры въ скобкахъ означаютъ: римскія—томы, а арабскія—страницы Описанія судебныхъ дѣйствій.

той же статьи говорится, что уѣздный судъ сносится съ уѣзднымъ судомъ и прочими равными судами другаго округа. „Другой округъ не что иное, какъ не тотъ, изъ котораго сообщается. Такъ почему же не можно почесть другимъ и всякой, какой бы то ни былъ, кромѣ нашего, слѣдовательно, хотя бы то былъ и иной губерніи?“ Послѣ долгаго спора съ нимъ, наконецъ, соглашаются и другіе (II, стр. 304—312).

По поводу разъясненія секретаремъ порядка написанія купчихъ крѣпостей между членами суда происходитъ любопытный разговоръ. Старшій засѣдатель находитъ вполнѣ достаточной уголовную наказуемостъ продажи чужихъ имѣній или скрытія заложенности имѣнія. Покупающіе по его мнѣнію сами должны ограждать свои интересы: „Многіе, осматривая покупаемыя имѣнія, навѣдываются подробно и о принадлежности ихъ продавцу“. Судья находитъ это недостаточнымъ: „какъ можно чрезъ это узнать, когда какое имѣніе кому прежде того заложено, и этому или срокъ не пришелъ, или заемщикъ отсрочилъ, а закладныя писаны въ другомъ мѣстѣ? Всѣ знаютъ только то, что это имѣніе находится во владѣніи у продавца, а о томъ, что оно уже заложено и не выкуплено, можетъ быть никто изъ тутошнихъ неизвѣстенъ“. Къ тому же „въ разсужденіи о разстояніи мѣста не всякій можетъ къ этому имѣть удобный случай; а притомъ когда представимъ жадность къ покупкѣ за дешевую цѣну, то бываетъ такъ, что услыша только объ этомъ, покупающій старается, оставя всякую осторожность, какъ можно поскорѣе совершить купчую, дабы другой не перекупилъ“. Старшій все стоитъ на своемъ: „это уже сами покупающіе виноваты“. „Это справедливо, возражаетъ судья; да слѣдствія то какія изъ этого родятся?—Продавецъ наказанъ, а покупщикъ остался въ невозвратномъ убыткѣ“. Тогда вступаетъ младшій засѣдатель, предлагающій установить въ нѣсколько своеобразной формѣ собственно ипотечную систему. „Моя мысль: для совершеннаго искорененія этого зла, надобно, чтобы всякій, владѣющій своимъ недвижимымъ имѣніемъ, имѣлъ у себя записку, засвидѣтельствованную тѣмъ судебнымъ мѣстомъ, въ вѣдомствѣ котораго имѣніе его состоитъ, съ подробнымъ описаніемъ, написанную въ полъ листа,

добавляя потомъ, когда ему какое достанется и почему именно достанется. Когда же кто изъ него что продастъ или заложитъ, или инаково изъ принадлежности и его владѣнія отойдетъ; то противъ онаго въ другой половинѣ отмѣчать это самое по совершеніи на него крѣпостей и воспослѣдованіи всякой перемѣны ихъ владѣній". Съ этимъ соглашается и старшій, а судья предлагаетъ „и при открывшемся случаѣ это внесть въ докладъ высшему мѣсту" (II, стр. 174—177).

Иногда новаторами являлись и просители—военные люди. Капитанъ Смысловъ, бывшій полковымъ адъютантомъ и аудиторомъ, подалъ прошеніе, въ которомъ не было включено обычной фразы: „и дабы Высочайшимъ указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ такомъ то мѣстѣ принять", и кромѣ того вмѣсто заключенія „къ сему прошенію руку приложилъ" стояла прямо подпись: В. И. В. вѣрноподданный. Судья обращаетъ вниманіе на эти особенности. Капитанъ отстаиваетъ правильность формъ своего прошенія, ссылаясь на форму о титулахъ 2-го іюля 1762 года, и судъ, выслушавъ законы, прочитанные секретаремъ, соглашается съ нимъ (II, стр. 215—222).

Все описаніе содержитъ изображеніе тридцати семи засѣданій, съ 16 декабря 1791 года по 9 февраля 1792 года. Въ первые два дня въ бесѣдѣ судьи и засѣдателей съ секретаремъ выясняются общія обязанности членовъ уѣзднаго суда и общій порядокъ дѣлопроизводства. Остальныя засѣданія посвящены разсмотрѣнію частныхъ формъ дѣлопроизводства и раздѣляются по различію обсуждаемыхъ вопросовъ на три отдѣленія: 1) объ отправленіи дѣлъ, постановленныхъ между частными людьми безъ посредства судейскаго, или о писаніи крѣпостей; 2) о пріобрѣтеніи, о охраненіи и утвержденіи правъ и 3) о дѣлахъ спорныхъ. Дѣла спорныя Горюшкинъ опредѣляетъ, какъ дѣла „объ удовлетвореніи за обиды и преступленія законовъ и должностей".

Въ первомъ отдѣленіи рѣчь идетъ о порядкѣ составленія крѣпостей и свидѣтельствъ вѣрющихъ писемъ. При этомъ подвергаются критикѣ нѣкоторые установившіеся въ практикѣ обычаи. „Надсмотрщики и писцы необходимо требуютъ, чтобы

(свидѣтели при составленіи крѣпостей) подписывались сколько можно болѣе и опредѣляютъ число по расчету суммы, въ крѣпости написанной; напр.: когда въ 1000 р., такъ на всякое сто хотя по одному. И расчитываютъ еще ихъ по чинамъ; напр. всякаго офицера за одного, полковника за два, генерала за три или четыре человѣка". Судъ рѣшаетъ, что къ такому порядку нѣтъ основанія въ законахъ (II, стр. 103). Неправильной признается и установившаяся на практикѣ форма подписанія крѣпостей „къ сей крѣпости руку приложилъ". Согласно указу 30 января 1701 года слѣдуетъ подписывать такъ: „я, чинъ и имя, вышеписанное дѣйствіе, означенное въ крѣпости, учинилъ и сію крѣпость (означая ея особенный видъ) при означенныхъ ниже сего свидѣтеляхъ подписалъ", и судъ предписываетъ надсмотрщику: „извольте обычаемъ ввести такъ, какъ отъ насъ слышали (II, стр. 126—128).

Съ особенной подробностью останавливается Горюшкинъ на доказательствѣ, что и личные дворяне могутъ пріобрѣтать населенныя имѣнія. Но у него же самого указано, что уже въ прошломъ столѣтіи прочно установилась противоположная практика, „такъ что чиновники, имѣющіе личное дворянство, пріобыкши терпѣть уничтоженія этого ихъ права, никакихъ деревень не покупаютъ". Указомъ же 14 іюня 1810 года эта практика подтверждена и прямымъ законодательнымъ о томъ постановленіемъ (II, стр. 159—167).

Къ отдѣлу о пріобрѣтеніи, охраненіи и утвержденіи правъ отнесено разсмотрѣніе явочныхъ прошеній, дѣла по закладнымъ, выкупъ родовыхъ имѣній, утвержденіе въ правахъ наслѣдства. Особенно интересно тутъ обсужденіе вопроса о томъ, можетъ ли отецъ наслѣдовать послѣ сына? Постановленія объ этомъ дѣйствующаго права основаны на законѣ 1821 года, но Горюшкинъ и для своего времени рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, основываясь на постановленіяхъ Кормчей (III, стр. 639—660).

Подъ рубрику спорныхъ дѣлъ Горюшкинъ подводитъ весьма разнообразныя дѣла и общая группировка ихъ представляется у него довольно запутанной. Всѣ спорныя дѣла

онъ дѣлитъ прежде всего на 1) спорныя дѣла въ отношеніи права вещественнаго и 2) судныя дѣла. Судныя дѣла въ свой чередъ раздѣляются на гражданскія и уголовныя. При этомъ опредѣленія, какія онъ даетъ этимъ подраздѣленіямъ, по своей неопредѣленности вовсе не разъясняютъ дѣла. Такъ опредѣленіе судныхъ дѣлъ онъ заимствуетъ изъ Воинскихъ процессовъ: „процессъ есть дѣло судимое, чрезъ которое случающіяся тяжебныя дѣла основательнымъ представленіемъ и изъ обстоятельства дѣлъ обрѣтенныхъ доказовъ, явно сочиняются и потомъ отъ судей по изобрѣтенію оныхъ причинъ рѣшеніе чинится“ (III, стр. 731). Опредѣленіе гражданскихъ дѣлъ взято изъ манифеста 21 апрѣля 1787 года о поединкахъ: „гражданскими дѣлами называются тѣ, которыя производимы бываютъ между гражданами въ производящихъ отъ одного къ другому легкихъ обидахъ“ (III, стр. 759).

Въ числѣ спорныхъ дѣлъ о вещественныхъ правахъ есть одно дѣло объ освобожденіи изъ крѣпостнаго владѣнія. Дворовый человѣкъ Фоминъ проситъ „объ отпускѣ его съ семействомъ вѣчно отъ рабства наслѣдниковъ покойнаго его господина по изустному завѣщанію“. Подобныя дѣла были тогда такою рѣдкостью, „что едва ли запомнятъ и архивы судебныхъ мѣстъ“. Истецъ въ подтвержденіе силы устныхъ завѣщаній объ отпускѣ крѣпостныхъ ссылался на статью 14 XX главы Уложенія и на указъ 1699 года, сентября 7-го, „дворовымъ людямъ отпускныя давать изъ судебныхъ мѣстъ по допросу отцовъ ихъ духовныхъ“. Покойный, по случаю параличной болѣзни, приказывалъ исполнить сіе супругѣ своей при отцѣ своемъ духовномъ. Отвѣтчикъ, племянникъ покойнаго, возражалъ на это, что приведенная истцомъ статья Уложенія относится только къ кабальнымъ людямъ, которые могли быть крѣпки господамъ только по смерть. Что же касается указа 1699 года то сила его ограничена указомъ 1704 года, марта 1, предписывающимъ: „всѣ новыя изустныя завѣщанія записывать въ приказѣ въ два мѣсяца; а буде они въ указное число не записаны, то имъ не вѣрить“.

Выслушавъ законы, судъ нашелъ, что статья 14 главы XX Уложенія дѣйствительно говоритъ только о кабальныхъ,

„но какъ кабальныхъ нынѣ нѣтъ, то всѣ, относящіеся до нихъ законы къ рѣшенію этого дѣла не могутъ служить основаніемъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ остановился на статьѣ 53 той же главы, говорящей вообще о приказѣ, не требуя непремѣнно письменнаго акта. Указъ же 1704 года признанъ судомъ отмѣненнымъ по двумъ соображеніямъ. Во первыхъ, онъ противорѣчитъ Уложенію, а указомъ 15 іюня 1714 года повелѣно „указы, которые противны Уложенію всѣ отставить“. Во вторыхъ (это соображеніе секретаря) указъ 1704 года изданъ ради обезпеченія правильнаго поступленія сбора съ завѣщаній, а сборъ этотъ манифестомъ 1775 года, марта 10-го, статья 34, отмѣненъ: „когда причина для которой этотъ указъ изданъ, потомъ совсѣмъ уничтожена, то и самый указъ уже силы своей лишиться долженъ“. Согласно съ этимъ были допрошены, чрезъ управу благочинія и духовное правленіе, вдова завѣщателя и духовникъ, и такъ какъ оба они подтвердили показаніе истца, то было постановлено: „Фомина съ женою и дѣтьми учинить отъ рабства свободнымъ“ (Ш, стр. 701—723).

Въ другомъ мѣстѣ Описанія доказывается неправильность установленія практики, „что и вотчины жилыя, то есть съ людьми и крестьянами, въ случаѣ незаплаты исковъ по рѣшеннымъ дѣламъ, оцѣня отдаютъ истцу въ платежъ его иску“. Основаніемъ такому порядку послужили два сенатскихъ указа 1734 и 1752 годовъ. Первый изъ нихъ по дѣлу маіора Игнатьева съ совѣтникомъ Раевскимъ, другой по дѣлу капитанъ-поручика Мельгунова съ помѣщикомъ Пальчиковымъ. Горюшкинъ находитъ ихъ также противорѣчащими Уложенію (глава X, статья 263), предписывающему только „пустыя помѣстья и вотчины оцѣня отдавать истцамъ“, а „съ жилыхъ помѣстей и вотчинъ иски править на людяхъ и крестьянахъ, то есть, собирая съ нихъ владѣльческіе доходы, отдавать истцамъ“, и потому за силою указа 15 іюня 1714 года неподлежащими примѣненію (Ш стр. 969—978).

Гражданскія судныя дѣла Горюшкинъ раздѣляетъ по различію порядка производства словеснаго и письменнаго, причемъ письменное производство онъ отождествляетъ съ судомъ

по формѣ (III, стр. 751), а выборъ письменнаго или словеснаго производства, основываясь на таможенномъ уставѣ 1727 года, признаетъ зависящимъ отъ воли истца (III, стр. 753).

Судъ по формѣ Горюшкинъ считаетъ примѣнимымъ не ко всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, а только къ такъ называемымъ исковымъ, опредѣленіе которыхъ дано указомъ 19 іюля 1764 года. „Исковыя прошенія единственно тѣ, коими просители ищутъ исковъ, то есть: штрафовъ, какъ за причиненныя имъ обиды, такъ за держаніе бѣглыхъ людей пожилыхъ лѣтъ и завладѣнныхъ денегъ; за завладѣнныя жъ какъ земли, такъ и всякія пожитки и вещи, равнымъ образомъ съ заемныхъ денегъ, процентовъ и рекамбіевъ и прочихъ званіевъ исковыя челобитныя, по которымъ какъ по уложенію X глава 100, 101 и 102-му пунктамъ и по указу о формѣ суда, у истцовъ съ отвѣтчикомъ суды производятся; а челобитень таковыхъ, коими челобитчики просятъ правосуднаго возвращенія себѣ или о справкѣ за ними имъ законно принадлежащаго, или же о какомъ либо себя защищеніи, или принадлежащаго себѣ по исправленію своихъ должностей, яко заслуженнаго жалованья, чина и увольненія отъ службы и прочихъ званіевъ, по которымъ судовъ не производится, исковыми не почитать“ (III, стр. 856).

Производство суда по формѣ иллюстрируется разсмотрѣніемъ иска Хлопотина къ Невѣдину, по взысканію съ него денегъ за проданное имѣніе (III, стр. 852—987). При этомъ отмѣчаются нѣкоторые установившіеся судебные обычаи, не согласные съ закономъ. Таковъ напр. такъ называемый „бѣлый судъ“. По словамъ секретаря, обыкновенно „въ судебныхъ мѣстахъ по окончаніи суда, переписавши его на бѣло, повытчики предлагаютъ тяжущимся къ подписанію, что и называется бѣлымъ судомъ. А потомъ онъ читается передъ судьями. Они опредѣляютъ по ссылкамъ въ немъ тяжущихся собирать справки, допрашивать свидѣтелей, дѣлать обыски“. „Да на что это? замѣчаетъ младшій засѣдатель, мы слышали, что тяжущіеся говорили, то есть ли что нужно, и безъ переписки на бѣло можно приказать дѣлать“. И старшій засѣдатель соглашается, что это только, „ненужное продол-

женіе и напрасный трудъ", и потому судья велитъ по силѣ статьи 3 формы суда прямо послѣ „суда" составить выписку къ рѣшенію дѣла (III, стр. 916, 917).

Относительно существовавшаго при Екатеринѣ II уголовнаго процесса наши историки права высказываютъ прямо противоположныя сужденія. Проф. Сергѣевичъ говоритъ, что „Екатерина II отказалась отъ мысли объ одномъ процессѣ для уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ, къ осуществленію которой такъ безплодно стремился Петръ Великій. Учрежденіемъ двухъ разныхъ палатъ гражданскаго и уголовнаго суда она положила прочное основаніе обособленію процесса гражданскаго и уголовнаго" [1]). Проф. Владимірскій-Будановъ, напротивъ, находитъ, что „распредѣленіе Екатерины II гражданскаго и уголовнаго суда по двумъ палатамъ не привело къ установленію двойственности процесса" [2]).

Большее согласіе установилось въ литературѣ относительно полной будто бы непримѣнимости суда по формѣ къ уголовнымъ дѣламъ. Разногласія существуютъ только относительно времени ограниченія суда по формѣ одними гражданскими дѣлами. Линовскій полагаетъ, что судъ по формѣ уже съ самаго начала, указомъ 5 ноября 1723 года, былъ установленъ только для гражданскихъ исковъ, и то лишь „для нѣкоторыхъ" [3]). Сергѣевичъ и Владимірскій-Будановъ приписываютъ ограниченіе суда по формѣ одними гражданскими дѣлами указу военной коллегіи 30 нобря 1724 года [4]). Дмитріевъ [5]) и Кавелинъ [6]), напротивъ, ссылаются на тотъ же самый указъ въ доказательство примѣненія суда по формѣ и въ военныхъ судахъ и усматриваютъ отмѣну суда по формѣ для уголовныхъ дѣлъ въ указѣ 13 мая 1725 года.

---

[1]) Лекціи и изслѣдованія. 1883, стр. 996.

[2]) Обзоръ исторіи русскаго права. 1888, стр. 542.

[3]) Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. Одесса 1849, стр. 16.

[4]) Сергѣевичъ, назв. соч., стр. 995; Владимірскій-Будановъ, назв. соч., стр. 542.

[5]) Исторія судебныхъ инстанцій. 1859, стр. 547.

[6]) Основныя начала русскаго судоустройства (сочиненія, т. I, стр. 293).

Если обратиться къ Горюшкину, то увидимъ, что онъ прежде всего не признаетъ, чтобы Учрежденіемъ о губерніяхъ была установлена двойственность процесса. Опираясь на слова Начертанія: „судебный обрядъ дѣлъ преступительныхъ долженъ быть елико возможно единообразенъ съ судебнымъ обрядомъ гражданскихъ“, онъ говоритъ, что въ уголовныхъ дѣлахъ за нѣкоторыми частными особенностями „впрочемъ во всемъ должно поступать, какъ и по гражданскимъ дѣламъ“ (III, стр. 1000, 1001).

Затѣмъ онъ и къ уголовнымъ дѣламъ считаетъ примѣнимымъ судъ по формѣ. На вопросъ судьи: да какъ же въ производствѣ этихъ дѣлъ поступать? секретарь отвѣчаетъ прямо чтеніемъ сперва указа о формѣ суда (стр. 997) и затѣмъ указа 3 мая 1725 года [1]), разъясняющаго, въ какихъ именно дѣлахъ („злодѣйствахъ“) подсудимымъ, согласно пункту 5 формы суда, „съ челобитенъ на нихъ поданныхъ списковъ не давать и распрашивать ихъ какъ злодѣевъ“.

Объ указѣ военной коллегіи 1724 года Горюшкинъ вовсе не упоминаетъ, очевидно считая его относящимся только къ военнымъ, а не къ общимъ уголовнымъ судамъ. И въ самомъ дѣлѣ указъ едва ли могъ имѣть то значеніе, какое ему приписываютъ современные историки права. Во первыхъ, указъ этотъ данъ военной коллегіей и послать его было велѣно только „въ санктпетербургскій гарнизонъ и во всѣ команды“. Органамъ гражданской власти онъ разосланъ не былъ и уже потому не могъ быть ими примѣняемъ. Во вторыхъ, по своему содержанію указъ вовсе не представляетъ общей отмѣны суда по формѣ въ его цѣломъ. Въ немъ говорится только о непримѣненіи *сроковъ*, установленныхъ указомъ 5 ноября 1723 года: „чтобъ вышеписанной формѣ для содержанія Фергеровъ и Кригсрехтовъ имѣли прошивныя тетради шнуромъ и за печатью и за закрѣпою, а *сроки* по той формѣ давать отвѣтчикамъ токмо въ истцовыхъ между ими дѣлахъ, окромѣ фискальскихъ и доносителей доношеній, которыя касаются до интересу Его Импе-

[1]) П. С. З. № 4713.

раторскаго Величества“ [1]). Тутъ очевидно имѣется въ виду недѣльный срокъ отъ полученія списка съ пунктовъ, поданныхъ отъ челобитчиковъ, въ теченіе котораго отвѣтчикъ долженъ „стать къ суду“ [2]). Но и по самой формѣ суда срока этого, какъ и списка съ челобитной, въ дѣлахъ объ измѣнѣ, злодѣйствахъ и словахъ противныхъ на Его Величество не давалось. Надо думать, эти самыя дѣла военная коллегія и называла, „фискальскими дѣлами и тѣми, которыя касаются до интересу Его Величества“. Если же такъ, то указъ 30 ноября 1724 года только подтверждалъ и разъяснялъ постановленія формы суда, не внося ровно ничего новаго.

Въ общемъ порядокъ производства уголовныхъ дѣлъ изображается у Горюшкина, словами секретаря, такимъ образомъ. „Преступникъ, по предварительномъ увѣщаніи о показаніи истины чрезъ священника, допрашивается въ присутствіи суда и, есть ли нужно бываетъ, то производятся и прочіе формою о судѣ установленные обряды; потомъ дѣлаются изслѣдованія по его показанію, есть ли оно рознится съ показаніемъ въ управѣ и земскомъ судѣ, или о томъ, что эти мѣста при изслѣдованіи опустили. По выполненіи сего сочиняется выписка изъ дѣла и законовъ и потомъ въ рукоприкладствѣ къ ней и въ слушаніи при подсудимыхъ должно поступать, какъ и по гражданскимъ дѣламъ. Ибо по силѣ формы о судѣ повелѣно исполнять по ней во всякихъ дѣлахъ, какого бы оные званія ни были, 8-й статьѣ сказано: когда дѣло изслѣдовано все будетъ, тогда сдѣлать выписки пунктами и прочемъ. Каждому подписать по пунктамъ челобитчику и отвѣтчику для того, все ли выписано, а особливо по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ“. Секретарь ссылается при этомъ на указъ 1769 года, октября 28, и 1778 года іюля 30, но тутъ же замѣчаетъ, что ему „рѣдко случалось это видѣть“ (III, стр. 1035, 1036).

Отъ дѣлъ собственно уголовныхъ Горюшкинъ отличаетъ дѣла слѣдственныя, разумѣя подъ этимъ преступленія долж-

[1]) П. С. З. № 4607.
[2]) П. С. З. № 4344.

ностныя (III, стр. 1039). Такое понятіе слѣдственныхъ дѣлъ установлено было Учрежденіемъ о губерніяхъ, статья 106: „палата уголовнаго суда ничто иное есть, какъ юстицъ-коллегіи департаментъ, которому поручаются особенно уголовныя дѣла и слѣдственныя дѣла въ преступленіе должностей въ той губерніи". Позднѣе къ слѣдственнымъ стали относить и другія дѣла и притомъ весьма разнородныя. По крайней мѣрѣ въ указѣ 1813 года, лит. 10 [1]), къ слѣдственнымъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію втораго отдѣленія шестаго департамента Сената, кромѣ должностныхъ преступленій, отнесены личныя обиды, прелюбодѣйства, запрещенныя игры, корчемство, самоуправство и т. д. Но въ сводѣ законовъ слѣдственныя дѣла опять опредѣляются какъ дѣла о должностныхъ преступленіяхъ: т. XV, изд. 1832 года, статья 777. Вѣдомству палаты уголовнаго суда подлежатъ дѣла уголовныя въ преступленіи должностей или такъ называемыя слѣдственныя".

Горюшкинъ считаетъ и къ слѣдственнымъ дѣламъ примѣнимымъ судъ по формѣ, но только обвиняемымъ въ нихъ, какъ и по злодѣйскимъ дѣламъ, не давать списковъ съ обвиненія (III, стр. 1042).

И въ Описаніи судебныхъ дѣйствій, какъ и въ Законоискусствѣ, Горюшкинъ нерѣдко даетъ историческія поясненія вопроса, и разъясненія эти тѣмъ цѣннѣе для насъ, что неотгороженный, какъ позднѣйшіе юристы, отъ нашего историческаго прошлаго анти-исторической нивеллировкой свода законовъ, онъ въ живомъ еще тогда судебномъ преданіи находилъ безъ труда совершенно правильное рѣшеніе многихъ вопросовъ нашей исторіи права, затруднявшихъ новѣйшихъ изслѣдователей.

Такъ, напримѣръ, Кавелинъ указываетъ какъ на новость, на впервые, по его мнѣнію, Морошкинымъ высказанное предположеніе, что судъ по формѣ не былъ петровскимъ нововведеніемъ, а лишь возстановленіемъ стараго порядка. Между тѣмъ у Горюшкина такое пониманіе указа 5 ноября 1723 года, что имъ „оставленъ только одинъ судъ", выставляется какъ безспорное, всѣми принятое (III, стр. 847).

[1]) П. С. 3 № 25, 451.

Излагая, какимъ порядкомъ производились въ древности гражданскія дѣла, Горюшкинъ различаетъ три отдѣльныхъ формы процесса. Въ нѣкоторыхъ отправлялись суды между истцами и отвѣтчиками. Въ нихъ тяжущіеся по принесеніи отъ истца жалобы, говоря одинъ противъ другаго, открывали чрезъ то справедливость своего дѣла; и то, что ни говорено, тогда жъ записывалось. Въ иныхъ по приговорамъ судебныхъ мѣстъ бывали между ими очныя ставки, при которыхъ участвующіе въ дѣлахъ, представлены будучи въ судебное мѣсто, между собою говаривали о дѣлахъ, до нихъ принадлежащихъ, и оное записывалось же. При обоихъ этихъ случаяхъ были употребляемы постороннія, кому они это вмѣсто себя отправлять ввѣряли. По другимъ же чинился розыскъ или изслѣдованіе“ (III, стр. 838).

Такимъ образомъ Горюшкинъ считалъ очныя ставки особой формой гражданскаго процесса. Такое пониманіе очныхъ ставокъ сохранилось еще у Кавелина, но тотъ различалъ только двѣ формы гражданскаго процесса: судъ и очныя ставки [1]). Новѣйшіе историки права различаютъ только судъ и сыскъ, совершенно не упоминая объ очныхъ ставкахъ, какъ особой формѣ процесса [2]).

Еще интереснѣе въ этомъ отношеніи объясненія Горюшкинымъ перваго учрежденія губерній при Петрѣ. Для него учрежденіе губерній представляется простымъ переименованіемъ уже раньше установившихся административныхъ дѣленій. „Разрядными городами назывались тѣ, въ которыхъ опредѣленныя начальства распоряжали или управляли прочими имъ подчиненными городами. Изъ нихъ, наконецъ, первые получили названіе губерній, а послѣдніе приписныхъ или уѣздныхъ городовъ“ (II, стр. 56).

Въ позднѣйшей литературѣ до самаго послѣдняго времени господствовало прямо противоположное воззрѣніе. У Неволина еще можно найти намекъ на связь губернскаго дѣленія съ

---

[1]) Сочиненія, I, стр. 113.

[2]) Сергѣевичъ, назв. соч., стр. 968. Владимірскій—Будановъ, назв. соч., стр. 533.

прежними административными единицами, но Лохвицкій [1]) и Андреевскій уже безъ всякихъ оговорокъ признаютъ петровскія губерніи совершенно искусственными, безъ всякихъ историческихъ корней, дѣленіями. Андреевскій [2]) даже объяснялъ ограниченное число губерній, установленныхъ Петромъ I, просто недостаткомъ лицъ, способныхъ занять мѣста губернаторовъ. Только г. Милюковъ [3]) возвращаетъ насъ опять къ тому же самому объясненію петровскаго дѣленія на губерніи, какое находимъ у Горюшкина.

Я далеко еще не исчерпалъ богатаго содержанія произведеній „россійскаго законоискусника“. Но и сказаннаго, полагаю, достаточно, чтобы убѣдиться, какое значеніе могутъ они имѣть для изученія исторіи нашей судебной практики и нашего правосознанія въ концѣ XVIII вѣка.

---

[1]) Губернія, стр. 35.
[2]) Русское государственное право, стр 358.
[3]) Государственное хозяйство, 1892, стр. 372.

ИСТОРИЧЕВКАЯ БИБЛІОТЕКА

Инв. 4976.
220.